А. В. Ветуховъ.

ЗАМѢТКИ

по поводу книги проф. Погодина

„Языкъ какъ творчество".

I. „Языкъ" эльберфельдскихъ лошадей, „грамотныхъ, мыслящихъ", и языкъ человѣка.
II. Языки некультурныхъ народовъ.
III. Происхожденіе языка.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1913.

„Языкъ“ эльберфельдскихъ лошадей „грамотныхъ, мыслящихъ“ и языкъ человѣка.

(По поводу книги проф. *Погодина* „Языкъ какъ творчество (Психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи). Происхожденіе языка“ — 4-й т „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества“ Харьковъ 1913 г Ц 2 р 50 к—560 стр.)

„Ни одинъ фактъ не долженъ быть разсматриваемъ какъ обманъ, только потому, что онъ противорѣчитъ господствующему возрѣнію“.

Основа, на которой покоится изслѣдованіе проф. Погодина,—все еще могучая и модная научная теорія эволюціонная. понимаемая по шаблону—какъ всепроникающая, всеобъясняющая. Нѣтъ сомнѣній, что совершенствованіе (развитіе, эволюція) и д. б во всемъ, на то вѣдь человѣкъ—вершина земного міра—сотворенъ „по образу и по подобію Божію“, на то у него свободная воля, разумъ и даръ рѣчи. Однако, совершенствованіе это идетъ въ извѣстныхъ замкнутыхъ кругахъ: какъ бы ни совершенствовалась неорганическая природа (приспособленіе къ условіямъ жизни, видоизмѣненія разновидностей и т. п.), она никогда органической не станетъ. (Можно подыскать виды—особи органической и неорганической природы, грань между коими почти неуловима, но все же тончайшій, глубочайшій, съ усовершенствованными орудіями, изслѣдователь ее обнаружитъ). Такъ и грань между животнымъ и человѣкомъ, (образно и ярко указанная въ „книгѣ книгъ“, затушеванная могучей теоріей Дарвина (скорѣе, пожалуй, даже не лично имъ [1]), а его не въ мѣру

[1]) Вѣдь не даромъ говорятъ, что этотъ великій позитивистъ имѣлъ два кабинета· въ одномъ родились его труды о „происхожденіи видовъ“

усердными послѣдователями): ясная для человѣка, стоящаго на почвѣ чистой религіи, или живущаго гармоничнымъ сочетаніемъ разума и сердца, въ послѣднее время стала было твердо очерчиваться и въ спеціально-научныхъ работахъ глубокихъ изслѣдователей языка, психологовъ-философовъ. [1]) Сознательное творчество—доступное лишь для существъ, одаренныхъ разумомъ, даромъ рѣчи, ведущимъ къ выработкѣ отвлеченнаго мышленія, понятій—вотъ что стоитъ на пути животнаго къ человѣку, вотъ та непрехождаемая грань. Животное м б. гораздо *умнѣе* (т. е. обладать памятью—этой высшей изъ мыслительныхъ способностей животнаго — въ гораздо большей степени,—какъ напр. лошадь и особенно слонъ, —чѣмъ человѣкъ), но обобщающей силы разума въ немъ—ни капли, сколько бы ни учили слона различать, скажемъ, березу и сосну вообще, никакими усиліями нельзя добиться, чтобы онъ остановился у березы, у которой еще ни разу дотолѣ не останавливался, хотя у тысячи березъ, имъ раньше видѣнныхъ, онъ при извѣстной дрессировкѣ остановится—что въ свою очередь почти недоступно для человѣческой памяти.

Въ самое послѣднее время эта грань, столь ярко блеснувшая на льдистыхъ вершинахъ отвлеченной мысли, согрѣтыхъ жаркимъ солнцемъ человѣческой пытливости и любви къ ближнему,—снова затянулась флеромъ „естества“ Исторіи науки хорошо знакомы эти приливы и отливы научныхъ міровоззрѣній. Естество дожило до своей кульминаціонной, вершинной точки, до своего девятаго вала, и все же для него доставляются чистой наукой совершенно необъяснимые факты. Проще всего, конечно, отмахиваться отъ того, что не укладывается въ извѣстныя рамки, какъ отъ „ненаучнаго“ [2])

и проч, а въ другомъ... онъ молился.—Да и надпись въ вестибюлѣ „иллюстрацій біологическихъ законовъ“ (филетическій музей въ Іенѣ, основанный Геккелемъ, однимъ изъ крупныхъ послѣдователей Дарвина для выясненія его теоріи)—характерна: „кто обладаетъ наукой и искусствомъ, тотъ обладаетъ также и религіей, а у кого нѣтъ ни того, ни другого, пусть имѣетъ религію“.

[1]) Затѣмъ и физико-химиковъ и наконецъ у біологовъ—см. статью *І. Лукашевича* „Соврем состояніе дарвинизма кризисъ“ (въ „Русск. Мысли“ за 1913 г, кн. VIII, с 31—54.

[2]) Какъ будто наука имѣетъ только одинъ какой-то непререкаемый методъ, основу, догму Вѣдь она-то и д. б. наиболѣе эволюціонна

и отпугивать отъ него другихъ этимъ жупеломъ для dii minores отъ науки и для т. наз. интеллигенціи въ ходячемъ смыслѣ слова. А не укладывается на это прокрустово ложе все, что близко наукамъ отвлеченнымъ, чего нельзя „испытать“. Исторія науки и отмѣчаетъ, что „девятый валъ“ естествознанія совпадаетъ съ упадкомъ интереса къ чистой математикѣ — пути къ философіи, къ чисто-гуманитарнымъ наукамъ, къ религіи. А здѣсь-то и творятся новые пути научнаго изслѣдованія, создаются новыя гипотезы, теоріи, коими движется вся наука вообще, а въ частности и естествознаніе, которое, — какъ это ни странно,—стало возможнымъ лишь послѣ появленія христіанства, его не было ни въ высоко развитой гуманитарно Элладѣ, ни въ строго — юридическомъ законномѣрномъ Римѣ; вѣдь нельзя же Плинія считать собратомъ Дарвина, да, сколько извѣстно, и сами естественники далеки отъ этого.

Начиная чувствовать, какъ у него уходитъ изъ-подъ ногъ почва благодаря разнымъ „проклятымъ“ вопросамъ, естествознаніе налегло всѣми силами на разрушеніе вышеупомянутыхъ границъ между человѣкомъ и животныхъ Одно время сильно нашумѣлъ Гарнеръ со своимъ языкомъ обезьянъ, для которыхъ онъ устроилъ цѣлую школу „грамоты“, (принимая градацію ихъ крековъ за рѣчь), но о ней скоро забыли, т. к. результаты оказались слишкомъ незначительны. А въ самое послѣднее время все еще шумятъ споры по поводу т. наз. „умныхъ и грамотныхъ“ [1]) лошадей д-ра Кралла, оказавшихся замѣчательными математиками, далеко превзошедшими въ области напр. извлеченія корней своего учителя.

Тутъ мы въ вплотную подошли къ кардинальному вопросу: психика животныхъ и людей различна лишь по количеству или по существу? (Въ области естествознанія вѣдь теперь ужъ нѣтъ качественнаго анализа, все сведено къ количественному). Если это различіе не существенное, то стоитъ лишь произвести тѣ или иныя операціи надъ органами рѣчи, какъ то полагалъ профессоръ, обучавшій обезьянъ, и высшія по

---

[1]) Считавшихся способными на человѣческую, сознательную творческую мысль, т к. не въ звуковой сторонѣ современное языкознаніе полагаетъ сущность вопроса (на это очень способны напр и птицы), а въ духовной

крайней мѣрѣ животныя заговорятъ и сравняются съ людьми

У этого столба, между двухъ огней, остановился и проф. Погодинъ. Здѣсь—все существо, вся суть его книги, все же исполненной противорѣчья

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдованію за выясненіемъ этого основного вопроса по книгѣ проф. Погодина, я позволю себѣ ознакомить въ самыхъ краткихъ чертахъ съ пріемами обученія этихъ пресловутыхъ „разумныхъ“ лошадей —Вотъ ихъ „азбука-постукиваніе“, на нѣмецкомъ алфавитѣ:

	1	2	3	4	5	6
10	eE	nN	rR	sS	mM	cC
20	aA	hH	lL	tT	äÄ	ch
30	iI	dD	gG	wW	jJ	sch
40	oO	bB	fF	kK	öÖ	yУ
50	uU	vV	zZ	pP	üÜ	
60	ei	au	eu	xX	qQ	

Лошади ударяютъ копытомъ о доску число единицъ—правой ногою, число десятковъ—лѣвой, сотенъ—правою и т. д. (напр. 345 = 3 р.—правой, 4 р. — лѣвой и 5 р. — правой; буква f = ударъ лѣвой 4 раза и правой—3 раза). Обученіе основано почти исключительно на слухѣ (т. к. есть „грамотная“ лошадь и слѣпая) и его ассоціаціяхъ; при участіи зрительныхъ комбинацій (для не слѣпыхъ, конечно), дѣло идетъ далеко впередъ. Такъ напр. на вопросъ: „чего ты желаешь?“, лошадь выстукиваетъ—„пишетъ“: „Hfr hbn=Hafer haben, т. е. буквально „овесъ имѣть“ [1])

Передъ нами наличность своего рода „чуда“, и надъ нимъ пронеслись уже въ короткое время всѣ стадіи отношенія человѣка къ подобнымъ явленіямъ, въ родѣ напр. спиритизма, медіумизма и мн. др., выходящимъ за предѣлы нормы: сторонники увѣровали и превознесли, скептики отвергли, заподозрѣли ложь и обманъ; въ столкновеніи этихъ теченій исподволь выяснялась истина: признали фактъ, но объяснили знаками,

[1]) См замѣтку по этому вопросу въ 32-мъ № „Природа и люди“ за н. г., с. 500—503

подаваемыми лошадямъ хозяиномъ умышленно, позже—безъ умысла, непроизвольно: далѣе выяснилась невозможность подачи какихъ-бы то ни было знаковъ: самъ д-ръ Краллъ не умѣлъ напр извлекать корней изъ многозначныхъ чиселъ ни устно, ни письменно, а его „ученики“ продѣлываютъ это очень быстро и безошибочно. Рѣшаютъ: обмана и знаковъ нѣтъ, но выполняются задачи „не нашимъ, не человѣческимъ способомъ“, (т. е. по-недавнему прошлому—силой „нечистой, діаволомъ“ и т. п.). Надо поближе присмотрѣться къ этой загадкѣ, подойти къ этой тайнѣ съ фонаремъ науки; перейти къ сопоставленію и сравненію съ болѣе обслѣдованными, аналогичными явленіями въ сосѣднихъ областяхъ знанія, напр. съ наблюденіями надъ знаменитыми счетчиками—феноменами, вундеркиндами. Вотъ тутъ и оказалось, что даже ребенокъ 6 лѣтъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, могъ производить быстро и безошибочно труднѣйшія числовыя операціи.

„Ничему не обучавшійся итальянскій 10-лѣтній мальчикъ Вито Манджамеле въ засѣданіи Парижской академіи наукъ извлекъ кубич. корень изъ 3796416 (= 156) въ полминуты [1]).

„18-лѣтній, немного слабоумный слѣпорожденный Флери извлекаетъ въ умѣ квадратные корни и продѣлываетъ невѣроятныя вычислительныя операціи, очевидно, по какому-то собственному способу, т к. обычные пріемы ему неизвѣстны [2]) и т. д. Оказалось, что подобныя умственныя операціи вовсе не требуютъ высокаго умственнаго развитія, что нерѣдко эти поразительныя счетныя способности дѣтскаго возраста пропадаютъ постепенно съ развитіемъ ребенка, иногда находятся даже въ противорѣчіи съ умственнымъ развитіемъ.

Такъ значитъ, и у Эльберфельдскихъ лошадей нѣтъ нужды допускать какое-то высшее, необыкновенное развитіе, ихъ близость къ разумному человѣку; онѣ именно ближе стоятъ къ человѣку въ пору его „малоразумія, малоумія“. И вся ихъ „наука“— лишь высшая дрессировка, механическое, машинное и потому автоматически—безошибочное выполненіе актовъ. какъ и все инстинктивное, безъ участія сознанія и воли, тогда какъ обученіе даже на низшихъ ступеняхъ тре-

---

[1]) См. „Природа и Люди“ № 32, н. г., с 501

[2]) Ib.

буетъ умственной самодѣятельности. Очевидно, эти мозговые процессы находятся еще подъ порогомъ сознанія [1]), доступны еще безсловесному творенію: ими завѣдуетъ гл. обр.—малый мозгъ и могутъ быть они всецѣло объяснены такъ наз. „ассоціативной памятью“, быть можетъ „высшими инстинктами“, тѣмъ болѣе, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ спеціалистовъ, лошадь обладаетъ очень большимъ мозгомъ, покрытымъ коркой, обуславливающей возможность богатыхъ и многочисленныхъ ассоціацій“ (ib). Ergo, лошадь „умнѣе“ человѣка, такъ же какъ „логическая машина“ логичнѣе человѣка, но никто же не поставитъ самую совершенную машину, созданную человѣкомъ, въ уровень съ творцомъ, ее созидающимъ,—человѣкомъ.

Въ этомъ направленіи идетъ и проф. Погодинъ, но такъ какъ ему почему-то кажется самымъ важнымъ вопросъ о происхожденіи языка, теряющійся въ туманѣ вѣковъ и гипотезъ, то и вся книга, опирающаяся на правильный принципъ: грань человѣка и животнаго—творчество въ словѣ—непрехождаема, постоянно впадаетъ въ неясности и противорѣчія, создаваемыя преклоненіемъ передъ эволюціонной теоріей, по которой-де человѣкъ нѣкогда все же былъ животнымъ, и такимъ образомъ удаляется отъ Потебни, „со славнымъ именемъ котораго автору такъ хотѣлось бы связать свой трудъ“ (въ „Предисловіи“), но которому по существу такъ мало отведено и мѣста и вниманія въ этой обширной книгѣ.

Разысканіе истоковъ, правда, заставило автора пройти по всему руслу рѣки, конечно, берегами ея, особенно тамъ, гдѣ она глубока и бурна, и въ этомъ ея основное достоинство и недостатокъ. Это провело передъ нашими глазами б. ч. обстоятельно и доступно изложенныя многочисленныя изслѣдованія въ этой области умовъ разнаго типа и разной подготовки, разныхъ научныхъ склонностей и освѣтило всю поверхность вопроса. А это въ свою очередь даетъ возможность заглянуть и въ глубь, въ существо духа языка тѣмъ, кто пожелаетъ этимъ заняться, безъ опасенія быть одностороннимъ.

„Наши общіе курсы по языкознанію совершеннно минуютъ

---

[1]) Въ болѣе-менѣе доступномъ изложеніи съ этимъ вопросомъ можно познакомиться хотя по книгѣ Waldstein „Подсознательное „я“ и его отношеніе къ здоровью и воспитанію“ Москва 1913 г.

психологическую сторону вопроса: они беруть языкъ какъ уже сотворенное, тогда какъ мнѣ представляется чрезвычайно важнымъ и нужнымъ пріучить образованнаго лингвиста видѣть въ языкѣ прежде всего процессъ творчества. Обширная область психологіи должна, по моему убѣжденію, войти въ сферу общаго языкознанія, и этому своему пониманію я старался слѣдовать въ настоящемъ трудѣ" (с. 1-я) [1]). Къ сожалѣнію только, на дѣлѣ, въ изложеніи, часть („психологія") заполонила автора и незамѣтно стала на мѣстѣ цѣлаго („языкъ").— Опредѣляя „объемъ задачи и методы рѣшенія ея", проф. Погодинъ говоритъ, что языкъ человѣка есть постоянное творчество мысли, выраженіе самосознанія его (с. 3-я), гдѣ уже не совсѣмъ ясно выражено, творятъ ли одновременно и языкъ и мысль, или только послѣдняя неустанно, безпрерывно бьется надъ созданіемъ и усовершенствованіемъ языка. Межъ тѣмъ безъ языка нѣтъ движенія мысли, а безъ мысли мертвъ языкъ Нѣсколько далѣе становится уже яснѣе, что не на этой точкѣ стоитъ проф. Погодинъ: „слово является уже надстройкой надъ инстинктомъ... И душевнобольной афатикъ, теряя образы словъ, переставая говорить и понимать, еще сохраняетъ способность напѣвать арію, различать тоны. Прирожденный инстинктъ еще не утратилъ своей силы, но пріобрѣтенныя знанія исчезли" (с. 3-я). Очевидно, здѣсь плохо различаются съ одной стороны реальный процессъ *рѣчь* и *мысль* и *языкъ* (подобно греч. *λογος*) какъ продукты абстракціи отъ реальнаго процесса, происхожденіе коего, подставленное на мѣсто „языка", и разыскивается такъ усердно проф. Погодинымъ и длиннымъ рядомъ его предшественниковъ, по-преимуществу, „идолопоклонниковъ" эволюціонизма. Поэтому-то все его вниманіе приковывается доказательствами вспомогательными, „отъ противнаго": для него является существенно - важнымъ выясненіе проблемы инстинкта и вообще „тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ душевную жизнь человѣка отъ животной", которыя и являются причиною того, что человѣкъ говоритъ, а животное нѣтъ, что ни одно изъ нихъ не достигло способности *разнообразно* и *условно* выражать свои чувства и представленія" (с 5-я). Какъ будто

---

[1]) Цитаты всюду (кромѣ тѣхъ, гдѣ добавлена передъ цифрой фамилія) изъ разнообразныхъ авторовъ привожу по Погодину.

бы животныя могутъ хотя и не разнообразно и не условно какъ угодно, но безъ помощи словъ,—выражать свои представленія? Вѣдь внѣ словъ и знаковъ представленій нѣтъ и самыхъ представленій (этихъ — по старой терминологіи „знаковъ вещей“, какъ будто мы можемъ знать вещи и какъ-то иначе, помимо представленій). При такой постановкѣ вопроса становится болѣе—менѣе понятной и слѣдующая фраза Погодина: „подъ говореніемъ надо понимать въ данномъ случаѣ не внѣшнюю рѣчь, не внѣшнее выраженіе чувствъ и мыслей въ словахъ, но внутреннюю рѣчь, мышленіе безъ словъ“ (с. 5-я), и напряженный интересъ его къ рѣчи глухонѣмыхъ, слѣпо-глухонѣмыхъ, афатиковъ, малоумныхъ, экстатиковъ [1]) и т. д., лишенныхъ, по мнѣнію проф. Погодина, этой *внутренней* рѣчи. „Мышленія безъ словъ“—нѣтъ [кромѣ тѣхъ случаевъ,—кои не захватываются книгою Погодина—и о которыхъ есть кое-что и у Овсянико-Куликовскаго, напр.—сверхсловесной духовной дѣятельности человѣка: въ математикѣ—попытки логическихъ актовъ безъ словъ и въ области художественнаго творчества, („мысль изреченная есть ложь“, „Silentium“ и т. п.) и особенно религіозной]. Потебня не мало посвятилъ выясненію этого вопроса, да и психологическая школа, которой придаетъ г. Погодинъ столь важное значеніе, не расходится съ нимъ въ этомъ вопросѣ: при всѣхъ усиліяхъ мыслить безъ „говоренія“, безъ соотвѣтствующихъ „внѣшней“ рѣчи, артикуляцій органовъ, мы не можемъ; когда вздумали (была и такая попытка!) дѣтей отучить отъ „неправильнаго“ письма, ихъ заставляли писать съ прикушенными языками, и у бѣдной дѣтворы языки чуть не окровенялись, а ошибки все же не искоренялись. На этомъ основанъ между прочимъ опытъ „чтенія“, точнѣе было бы слышанія мыслей на довольно значительномъ разстояніи двухъ людей, сидящихъ въ совпадающихъ фокусахъ 2-хъ зеркалъ (см. подробнѣе въ моихъ „Заговорахъ“), и много другихъ извѣстныхъ фактовъ.—Трудно согласиться и съ тѣмъ, будто въ своемъ развитіи, не только эмбріональномъ, но и позднѣйшемъ, человѣческое дитя проходитъ черезъ тѣ этапы, черезъ которые проходило въ своемъ развитіи человѣчество...

---

[1]) Хотя смѣшивать въ одну кучу явленія дефективной психики и психики „типовъ возрастанія“ (см. ст Флоренскаго) отнюдь не слѣдуетъ.

Инстинктъ созданія собственной рѣчи на столько силенъ у человѣка, что и позже, научившись говорить такъ, какъ взрослые, ребенокъ любитъ сочинять собственныя слова, выдумываетъ иногда собственный языкъ, строеніе котораго напоминаетъ особенности языка дикарей" (с. 6-я). Плохо это какъ-то вяжется со слѣдующими строками, приводимыми на той же страницѣ ниже: „Что же именно пріобрѣлъ человѣкъ, научившись говорить или создавъ у себя внутреннюю рѣчь? Онъ получилъ слово, условный знакъ съ которымъ у каждаго изъ насъ связываются *свои собственныя представленія* и *образы*", т. е всякій разъ въ этомъ творческомъ актѣ вырабатывается нѣчто новое, личное, индивидуальное, небывалое до сихъ поръ и могущее быть близко схожимъ съ бывалымъ раньше лишь случайно. Но, конечно, съ точки зрѣнія П. и дѣтская рѣчь представляетъ глубокій интересъ" для изслѣдователя одного изъ кардинальныхъ вопросовъ психологіи, вопроса о происхожденіи человѣческаго языка", какъ извѣстнаго состава звуковъ (а не исторіи мысли). А вотъ уже съ дальнѣйшимъ согласиться нельзя: „Какъ отвлеченный, самъ по себѣ ничего не значащій знакъ, слово даетъ возможность мыслить не конкретными образами, но отвлеченными знаками, т. е. создаетъ абстрактное мышленіе, сужденіе, наконецъ—сознаніе" (с. 6-я). Слово ни въ какомъ разѣ не могло быть „ничего не значащимъ знакомъ": вся исторія мысли (ср хотя бы небольшіе экскурсы въ эту область въ моихъ „Заговорахъ") показываетъ, что слово на протяженіи вѣковъ въ міросозерцаніи народовъ является реальнѣйшею вещью: они могутъ застывать, замерзать, ими можно зачаровать человѣка, даже убить и проч., христіанское вѣроученіе держится того же взгляда, да и для современной науки (Потебня) имя и именуемое нераздѣлимы для нашего сознанія вѣдь ничто не дается иначе, какъ черезъ актъ нашего осознанія—черезъ нашу рѣчь о немъ. Не можетъ быть для слова считаться высшей, идеальною фазой развитія отвлеченность, абстрактность: образное и безобразное слово равноправны, и пользуется ими человѣкъ по мѣрѣ надобности, для однѣхъ цѣлей—познанія и самопознанія, что быстрѣе даетъ въ данный моментъ удовлетворяющій отвѣтъ на насущный, неотложный вопросъ, тѣмъ и пользуется; вѣдь это—поэзія и проза въ зародышѣ, неужели же можно ска-

зать вообще, что проза (наука) выше поэзіи (искусства)?! Вѣдь объ этомъ очень ясно сказано у Потебни и въ „Мысль и языкъ“ [1]), на которое ссылается проф. Погодинъ, указывая что „донынѣ образованный лингвистъ долженъ быть хорошо знакомъ съ этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ которое въ Россіи положило начало и научному изученію поэзіи и прозы и изслѣдованіямъ (къ сожалѣнію, столь рѣдкимъ у насъ въ области психологіи языка“ (с 2-я) [1]), и въ доступныхъ его лекціяхъ „Басня, пословица“ и въ „Теоріи словесности“, да и вообще въ любомъ его твореніи—это основа, базисъ, красная нить, коей трудно не замѣтить Не менѣе опредѣленно и ярко поставлены у Потебни и вопросы о „соціальномъ“ (лучше бы—какъ средствѣ, пути общенія, единенія людей) значеніи языка и „словѣ-рѣчи“ (равномъ,—точнѣе — подобномъ, сужденію — предложенію). „Лишь благодаря общественному инстинкту у человѣка могъ развиться даръ сознательной рѣчи“ (с. 7-я). Не въ инстинктѣ тутъ дѣло: необходимость вызвать въ другомъ пониманіе, зажечь въ немъ схожую мысль, а значитъ и прійти на помощь (будетъ ли это совмѣстная чисто механическая работа ритмическая, откуда Бюхеромъ выводится начало рѣчи—рабочая пѣсня, или тончайшая философская) и обратно получить таковую заставляла людей надѣлять извѣстные звуковые комплексы однороднымъ содержаніемъ по мѣрѣ сродства въ бытѣ, обстановкѣ и т. п. (т к. въ силу рѣзкой индивидуальности человѣка у него „всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и не пониманіе“, т. е. пониманіе по—своему). Не ново было для Потебни и ученіе, которое Погодинъ считаетъ дѣломъ „настоящаго времени“, что „языкъ возникъ изъ сложныхъ выраженій, имѣвшихъ значеніе вовсе не одного слова, означающаго предметъ или дѣйствіе, но цѣлаго предложенія“ (с. 7-я). Капитальный трудъ Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ посвященъ этимъ вопросамъ и ясно говоритъ (чего можно было ожидать и a priori), что расчлененіе первоначальныхъ словъ – предложеній—сужденій, выдѣленіе хотя двухъ основныхъ членовъ—*формъ нашего* предложенія (подлежащаго и сказуемаго, вопроса и отвѣта—не говоря уже о различеніи словъ предметовъ

---

[1]) Кстати, проф. Погодинъ пользуется 2-мъ изд. этой книги, тогда какъ въ 1912 г. уже она вышла въ свѣтъ 3-мъ изданіемъ

и словъ—дѣйствій) дѣло позднее, потребовавшее огромныхъ усилій ума и анализирующей мысли (особенно если помнить, что рѣчь—слово—вещь, реальный предметъ), лишь крайне медленно устранявшей субстанціи, становившіяся мнимыми,—процессъ, совершающійся въ языкѣ и понынѣ, т к на мѣсто ставшихъ мнимыми личная индивидуальность вносила все новыя.

Вся программа труда намѣчается Погодинымъ на с. 8-й такъ: „Особенности духовнаго уклада животнаго, явленія внутренней рѣчи у здороваго и больного человѣка, вопросъ объ афазіи и разстройствахъ рѣчи при истеріи, особенности душевныхъ явленій, въ которыхъ наличность языка придаетъ порядокъ и стройность теченію образовъ (сновидѣніе, экстазъ)... духовная жизнь глухонѣмыхъ, психологія дѣтской рѣчи, особенности рѣчи у дикихъ народовъ, искусственные языки ...„психологія слова“ (слово и образъ, сужденіе, развитіе значенія слова), отношеніе между словомъ и предложеніемъ. Такъ подготовивъ отвѣтъ на вопросъ о началѣ человѣч. рѣчи, мы разсмотримъ взгляды старыхъ и новыхъ ученыхъ на этотъ предметъ. При такой постановкѣ проблемы, б. м., удастся избѣжать той произвольности въ рѣшеніи ея, которая вызвала *такое великое разнообразіе точекъ зрѣнія на возникновеніе языка, какъ одного изъ видовъ умственнаго творчества*“. Вся программа за исключеніемъ, пожалуй, „психологіи слова“ (къ слову сказать, части—наименѣе разработанной и наиболѣе туманной, сбивчиво изложенной), находится внѣ предѣловъ обслѣдованія сущности языка—творческой, обособляющей, индивидуализирующей дѣятельности дѣлающей человѣка человѣкомъ.

Для большей убѣдительности, что это околица, объѣздъ, пройдемъ кратко вслѣдъ за авторомъ по его пути, а въ заключеніе попытаемся поставить хотя верстовые столбы этого насущнѣйшаго вопроса, дыханіемъ коего исполнены и литература, и искусство, и наука, коимъ открывается путь и въ „горняя“ духа,—въ немъ корни идеализма, основа жизнерадостности

„*Особенности духовнаго склада въ мірѣ животныхъ*“ по сравненію съ человѣческими настолько оказываются—по новѣйшимъ даннымъ зоопсихологіи—такъ велики, что проф. Погодинъ вынужденъ сразу заявить что „совершенно немыслимымъ

является возвращеніе къ старому наивному уподобленію животной душевной жизни человѣческой" (с. 9-я); что антропоморфизмъ (отожествленіе духовной жизни животныхъ и человѣка), столь ярко выраженный у Брема, Леббока и др., добавлю отъ себя—особенно тонко и соблазнительно у Томпсона) принесъ „только несомнѣнный вредъ развитію ребенка" (добавлю—и вообще человѣка, подхваченнаго этой мутной волной естествознанія, а такимъ теперь имя „легіонъ") [1]) Проф. Погодинъ, увлеченный „новыми научными изслѣдованіями духовнаго міра животныхъ сдѣлавшими за послѣдніе годы такіе гигантскіе шаги впередъ" (с. 9-я), отрѣшается какъ будто на нѣкоторое время отъ эволюціонизма шаблоннаго: „Инстинктъ есть непреклонное и врожденное желаніе исполнить рядъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію цѣли, которой обычно дѣйствующее лицо не понимаетъ... Инстинктъ принадлежитъ не отдѣльному животному, а цѣлому виду и представляетъ чрезвычайную устойчивость. Инстинкты животныхъ представляютъ собою признаки для опредѣленія видовъ болѣе надежные, чѣмъ признаки морфологическіе" (с. 9). Насѣкомыя Hymenoptera на островѣ Корсо. „не скрещиваювіяся съ сородичами континента *сотни тысячелѣтій*", что привело даже „къ возникновенію мѣстныхъ видовыхъ варіацій, свойственныхъ только насѣкомымъ Корсо" инстинкты свои сохранили идентично съ сородичами континента, по крайней мѣрѣ „Фертонъ за шестъ лѣтъ своего изслѣдованія не встрѣтилъ ни одного раза, ни одного случая отклоненія отъ характерныхъ особенностей инстинкта" (с. 10 я). Хотя „не только у вида, но и у одной и той же особи возможны уклоненія отъ шаблона инстинктивной дѣятельности,

---

[1]) Ярко вскрываетъ всю муть этого теченія Рѣдько въ статьѣ „У подножія Африканскаго идола.—Символизмъ, акмеизмъ, эго-футуризмъ" (въ „Рус. Бог." за н г, кн. VI, с 317-332) Современное искусство выдвинуло культъ случайности. „Идеаломъ отношенія къ міру оказался дикарь, міросозерцаніе котораго наиболѣе случайно" (с 324) Отсюда культъ чисто чувственной любви и пресловутый „половой вопросъ" Слово „альтруизмъ"—мертвое слово; а когда слышатъ слова: этика, мораль,—только укоризненно качаютъ головою по поводу „ветхихъ словъ" (с. 331). „Въ душахъ образовался какой-то провалъ, очевидно зіяющій Вмѣсто радостнаго приближенія къ тайнѣ міра.. насталъ какой-то душевный хаосъ" (ib)

которыя вытекаютъ, конечно, не изъ сознательнаго отношенія къ дѣйствительности, но изъ различныхъ условій въ жизни животныхъ.. Новообразованія инстинкта совершались въ цѣлыхъ видахъ, которыя можно расположить въ послѣдовательномъ порядкѣ уклоненія отъ первоначальнано шаблона. Значитъ, *элементъ соображенія здѣсь совершенно отсутствовалъ.* Эти новообразованія создались путемъ естественнаго подбора, черезъ мелкое накопленіе многочисленныхъ мелкихъ и полезныхъ уклоненій, ибо *мотивы дѣйствій насѣкомыхъ лежатъ не въ психологіи, а въ біологіи; нѣтъ надобности предполагать у нихъ ни наличности ума, ни наблюдательности, ни способности къ размышленію*“ (с. 10-я) Инстинктивныя дѣйствія въ обычныхъ условіяхъ жизни животнаго удивительно совершенны (математичность постройки пчелкою ячейки) и удивительной же нелѣпостью при малѣйшемъ нарушеніи этихъ условій: бѣлка зарываетъ оставшіеся орѣхи въ коверъ, пчела усердно продолжаетъ носить медъ и въ дырявую ячейку, откуда онъ тотчасъ вытекаетъ и т. п. „Учиться инстинктивнымъ дѣйствіямъ нельзя: они оказываются врожденными, и молодая птица иногда лучше вьетъ свое гнѣздо, чѣмъ старая, опытная, но уже утомленная. Съ возрастомъ у одного и того же животнаго инстинкты мѣняются... Эти готовыя для даннаго періода жизни „знанія“ въ слѣдующій періодъ смѣняются новыми, тоже готовыми, какъ декораціи театральной сцены“ (с. 11-я). Пчелы находятъ далекій обратный путь „только благодаря чрезвычайно сильной памяти о разъ совершенномъ пути. Стоитъ этотъ путь измѣнить самымъ незначительнымъ образомъ, и улетѣвшее насѣкомое окажется въ самомъ безпомощномъ состояніи“ (с. 11-я). „Отправляясь за медомъ къ уже ранѣе найденному медоносному цвѣтку, насѣкомое летитъ не прямо, а зигзагами, совершая тотъ самый путь, который случайно привелъ его къ добычѣ. Такія же зрительныя впечатлѣнія лежатъ въ основаніи „измѣренія времени“, которое наблюдается у этихъ насѣкомыхъ: въ извѣстное время дня одни появляются въ томъ или другомъ мѣстѣ) опредѣленныя тѣни, связанныя съ часомъ, окраска и освѣщеніе предметовъ. Смѣна этихъ зрительныхъ впечатлѣній, направляя дѣятельность животнаго, замкнутую въ предѣлахъ инстинкта, приводитъ его къ извѣстному „умозаключенію“: надо летѣть, п. ч. солнце высоко, или цвѣтокъ

близко, п. ч. осина уже осталась позади. Конечно, *это „умозаключеніе“ насѣкомаго абсолютно не похоже на человѣческое и не нуждается въ словахъ: только влеченіе* испытываетъ насѣкомое, летя въ знакомомъ направленіи къ предмету, образъ котораго остался въ его памяти. И такъ будетъ поступать каждая пчела, каждый шмель, обнаруживая этимъ постоянствомъ инстинктивную природу дѣйствія. *Когда же* дѣло выходитъ за предѣлы инстинкта, они покажутъ свое неразумѣніе“ (с. 12-я).—„Постоянная реакція (—инстинктивное пониманіе—) на извѣстныя раздраженія не есть языкъ, тѣмъ болѣе, что даже защитники к. н. „муравьинаго языка“ сводятъ его къ прикосновенію щупальцевъ или обнюхиванію.. Психическая жизнь насѣкомыхъ вообще... есть нѣчто несоизмѣримое нашей психической дѣятельностью, и потому *въ жизни низшихъ животныхъ нельзя найти даже зародышей нашей способности рѣчи*“ (с. 12-я), такъ „жужжаніе комара или шмеля, гудѣніе майскаго жука точно соотвѣтствуетъ шуму пропеллера на летательной машинѣ“ (с. 13-я). „Гдѣ нѣтъ самосознанія, нѣтъ самаго основного элемента нашего человѣческаго языка и нашего пѣнія... Одному человѣку свойственно безкорыстное стремленіе проникать въ особенности предметовъ, неутомимо искать отношеній между отдѣльными воспріятіями и дѣлать эти отношенія предметами новыхъ мыслей“ (с. 13-я) Отсюда понятно, что и у высшихъ животныхъ не найти даже подобія (по существу) человѣческой рѣчи: крики и пѣніе птицъ вызываются инстинктомъ самосохраненія или половымъ. Самый развитой изъ „говорильщиковъ“ попугай, мяукающій даже при видѣ кошки и лающій при видѣ собаки, понуждается къ тому лишь неотразимой силой ассоціаціи зрительныхъ и слуховыхъ образовъ. „Языкъ человѣка состоитъ и д. былъ состоять уже на первыхъ порахъ своего развитія не изъ однихъ названій, но *изъ сочетанія названій*, и вотъ на это послѣднее попугай ужъ совершенно не способенъ“ (с. 18-я) съ возрастомъ его словарь не разростается, и слову и звуку онъ подражаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и главное сразу, безъ ученія (т. е. инстинктивно), какъ утенокъ сразу плыветъ, попавши на воду; крикъ попугая близокъ къ пѣснямъ граммофона: духовная жизнь попугая отъ знанія этихъ словъ ничуть не обогащается, какъ и для насъ ничего не дало бы, при непониманіи родного языка.

знаніе нѣск. разрозненныхъ словъ на чужомъ языкѣ Далѣе г. Погодинъ подробно останавливается и на языкѣ музыкальныхъ лошадей и „разумнаго Ганса“, о чемъ у меня рѣчь была выше; упоминаетъ наконецъ объ умѣ слоновъ, и приходитъ къ заключенію, что „животное оказывается не въ состояніи отдѣлить чувственный міръ (внѣшній міръ) отъ своего сознанія и жить въ мірѣ идеи. *Внѣ выученныхъ ассоціацій животное остается совершенно безпомощнымъ (поскольку не отдастъ опять таки своихъ приказаній инстинктъ) Оно оказывается не въ состояніи примѣнить самостоятельно свои пріобрѣтенныя знанія въ новой области, даже не пытается сдѣлать это*, п. ч. цѣль поступковъ, совершаемыхъ имъ вслѣдствіе дрессировки, остается для него неясна, *п. ч. животное не мыслитъ, не разсуждаетъ. Безъ языка не существуетъ мышленія*“ (с. 21-я) и, добавлю, труда: ни одна лошадь никогда не попыталась отправиться по воду съ бочкой или пахать и, конечно, не потому, что она запрячь себя не умѣетъ, къ этому бы можно ее было приспособить. Приведенные цѣлымъ рядомъ американскихъ ученыхъ опыты (особенно Торндайка) надъ установленіемъ у животныхъ самыхъ простыхъ *самостоятельныхъ* ассоціацій, испытанія путемъ эксперимент. психологіи животныхъ, ихъ самодѣятельности, показали, что таковыя бывали лишь случайностью. „Научившись открывать клѣтку, положимъ, съ помощью засова, ни одна самая способная обезьяна не устроитъ сама ничего подобнаго, т. е. не приладить самой простой задвижки къ двери. *Творчество въ области воспринятаго съ помощью подражанія является способностью только одного человѣка.* Т. о., если бы обезьяна или другое высшее животное научилось подражать звукамъ человѣческой рѣчи, даже ассоцировать рядъ словъ съ поступками или зрительными образами (у собаки это нерѣдко), то *все же это не былъ бы даже зародышъ человѣческой рѣчи*, п ч. важнѣйшій элементъ ея, самостоятельное творчество, отсутствовалъ бы. Нельзя представить себѣ попугая, говорящую собаку, скворца, которые попытались бы изъ знакомыхъ имъ словъ или по способу этихъ послѣднихъ образовать фразу или новое слово“ (с 28—29) Это самая блестящая глава изслѣдованія, т. к. она еще не подошла къ основному vitium— разысканія происхожденія языка, и я всецѣло присоединяюсь къ основнымъ положеніямъ ея.—Хотѣлось бы только сказать

2—3 слова по поводу антропоморфизма, на который такъ усердно нападаетъ проф. Погодинъ. Вѣдь это неминуемая стадія развитія человѣка, его міропониманія, его языка, его слова: исторія мысли именно и показываетъ, что все пониманіе природы шло черезъ надѣленіе ея человѣческими свойствами, дѣйствіями и мыслями; человѣкъ и любой предметъ („моя слюна“ и „я“; „мой слѣдъ“ и „я“, „мой портретъ“ и „я“, „моя тѣнь“ и „я„) являлись двойниками—alter ego человѣка, и лишь большими усиліями мысли водворялось различеніе между ними, постепенное воцареніе человѣка въ природѣ по мѣрѣ пріобрѣтенія способности къ отвлеченному мышленію, къ созданію понятій. А разъ человѣкъ вновь спускался до своего рода „обожествленія“ природы—какъ въ современномъ естествознаніи—онъ снова долженъ былъ возвращаться и къ этой формѣ міропониманія, антропоморфической, съ тою лишь разницей, что въ пору восхожденія къ ней это былъ научнѣйшій методъ для своего времени, а теперь—это миѳъ: по глубокому опредѣленію Потебни всякая пережитая, прошлая научная теорія переходитъ въ область миѳическаго (обыкновенно, поэтическаго) мышленія для людей, ее уже пережившихъ, надъ нею поднявшихся, оставаясь, конечно, еще долгіе годы научною для умовъ низшаго полета, не воспарившихъ въ эту высь [1]); однако эта „высь“ непремѣнно опирается на предыдущую стадію, непремѣнно идетъ черезъ нее, и ее мы должны почитать „сыновнимъ почтеньемъ“ (если не хотимъ уподобляться Хаму), памятуя, что и наша научнѣйшая, современнѣйшая теорія нѣкогда станетъ достояніемъ миѳологіи. Старая истина, что въ искусствѣ все дѣло въ т. наз. „чуть-чуть“, въ искоркѣ таланта, придающей мазкомъ кисти жизнь глазамъ въ портретѣ и т. п. Такъ и въ наукѣ, стоитъ чуть-чуть отойти отъ модной теоріи, (а это очень трудно, великій подвигъ!) и міръ покажется въ иномъ, свѣтѣ. Такъ объяснима слава „Біопсихологіи“ проф. Вагнера, считающейся одной изъ самыхъ выдающихся современныхъ книгъ въ своей области не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Онъ твердо поставилъ отличительную грань животнаго и человѣка—инстинктъ (одно время въ мути естествознанія

---

[1]) Ср „Миѳологическія замѣтки“ Е Г Кагарова въ 6—7 кн „Богословскаго Вѣстника“ за н. г

даже отвергавшійся совсѣмъ, какъ помѣха предвзятой теоріи перехождаемости видовъ) и далъ ему ясное, рѣзкими чертами („шаблонность, безошибочность, ограниченность, совершенство, *безличность* и *безсознательность*"), отграниченіе отъ основъ человѣческой психики. Увлеченный имъ, и проф. Погодинъ круто отрѣзалъ себѣ пути для поисковъ истоковъ человѣческаго языка въ психикѣ животныхъ, заявивъ, что и *у высшихъ животныхъ нѣтъ „даже зародыша человѣческой рѣчи"*.

„*Внутренняя рѣчь*" является по Погодину существеннымъ отличительнымъ признакомъ человѣка. „Внутренняя рѣчь" (или мышленіе словами) является существеннѣйшимъ условіемъ въ образованіи рѣчи внѣшней, произносимой. Съ другой же стороны, т. к. пониманіе невозможно безъ сознанія а сознаніе находитъ свое выраженіе въ видѣ мышленія словами, то внутренняя рѣчь необходима для пониманія другихъ... Каждое слово, которое мы услышимъ и повторимъ, проходитъ два пути: отъ внѣшняго міра къ нашей внѣшней рѣчи, отъ этой послѣдней къ внѣшней рѣчи, къ говоренію Слѣдовательно, если испортится (или отсутствуетъ) одинъ изъ этихъ путей то рѣчь въ человѣческомъ смыслѣ этого слова прекращается, какъ и тогда, когда повреждены самые центры рѣчи. Отсюда ясно, какъ важно остановиться на этомъ *процессѣ превращенія сознанія во внутреннюю рѣчь*" (?) (с. 30-я). „Т. наз. *аудитивно-моторный типъ* является первичнымъ типомъ *внутренней рѣчи*. На почвѣ развитого въ естественныхъ условіяхъ жизни зрительнаго воображенія могъ развиться третій видъ этой послѣдней, наличность котораго несомнѣнна у людей грамотныхъ" (с 38 я). — „Зрительная, идеографическая (—когда печатныя напр. буквы представляются разнообразными фигурами, лицами и т. п.), внутренняя рѣчь близка болѣе или менѣе къ идеографич письменамъ, употребляемымъ нѣкоторыми народами" (с. 40). Такъ, одна душевно-больная „писала глазами" и т о. переписывалась съ жителями отдаленныхъ странъ „Это болѣзненное развитіе той формы внутренней рѣчи, которую было бы правильнѣе назвать *„внутреннимъ чтеніемъ"* (с. 40). „Какъ внѣшняя рѣчь устанавливается требованіями взаимнаго общенія, такъ экономія духовной жизни, профессіональныя привычки и т. п. устанавливаютъ болѣе или менѣе сходныя

формы и внутренняго языка у взрослыхъ" (с 42). Въ дѣтскомъ возрастѣ (—по преимуществу школьнаго возраста) „вербо-визуализмъ" (словесно-зрительный типъ внутр рѣчи) оказывается гораздо болѣе распростран. явленіемъ, чѣмъ у взрослыхъ". (Обыченъ смѣшанный аудитивно моторно-визуальный типъ...). Тѣмъ не менѣе, преобладаніе воспринимающаго (аудитивнаго) или воспроизводящаго (моторнаго) элемента во внутренней рѣчи замѣчается, конечно, у всѣхъ говорящихъ людей:... одни лучше усваиваютъ со словъ .. другіе лишь то, что они произнесли про себя, сами прочли, сами рѣшили; третьи, наконецъ, лучше запоминаютъ все написанное. Только считаясь съ различіями *переводчика знаній, какимъ является для каждаго говорящаго лица его внутренняя рѣчь*, школа окажется въ состояніи правильно оцѣнивать способность учащихся" (с. 43-я). „Съ помощью воспитанія (—въ музыкѣ—)индивидуумъ, представлявшій первоначально слуховой или зрительный типъ (внутренней музыкальной рѣчи) можетъ постепенно превратиться въ чувствительно-моторный или чисто-моторный типъ" (с. 45). Словесное представленіе, несомнѣнно, въ нашемъ сознаніи обладаетъ единствомъ, ибо *безъ этого единства* (если бы напр. словесный образъ расчленялся на слуховой и двигательный) *оно и не было бы словомъ человѣческой рѣчи. Какъ только возникло это единство, т. е. сознаніе того, что и слышимое слово и понимаемое и произносимое есть одно и тоже слово,—образовался языкъ въ человѣческомъ смыслѣ этого слова.* До тѣхъ поръ слышимое слово оставалось для человѣка, какъ для птицы, для собаки, только извѣстнымъ звуковымъ воспріятіемъ, а произносимое имъ „слово" только безсознательнымъ разряженіемъ энергіи" (с. 49).

Уже изъ этихъ выдержекъ (за выключеніемъ послѣдней), туманныхъ, преисполненныхъ иностранныхъ, маловразумительныхъ терминовъ и словъ, видно, насколько неотчетливо представлялась автору сущность этого процесса, полагаемаго имъ въ опору начала человѣческой рѣчи и основу цѣлаго ряда слѣдующихъ главъ изслѣдованія

Проще было бы сказать вмѣсто „внутренняя" прямо „человѣческая" въ отличіе отъ животной—гдѣ нѣтъ ея и зародыша,—т. к. терминологія П-на предполагаетъ существованіе двухъ какихъ-то рѣзко-различныхъ рѣчей (межъ тѣмъ слово

„думаемое“ и произносимое, какъ я уже показалъ выше, различны лишь по силѣ напряженія голосовыхъ связокъ и напряженности органовъ, образующихъ звуковой—шумовой составъ слова). Тогда и всѣ (кстати сказать очень интересныя) сообщенія въ этой главѣ объ отступленіяхъ отъ обычной, нормальной человѣческой рѣчи въ связи съ индивидуальностью говорящаго—мыслящаго, стали бы на свое мѣсто, т. к обычнаго (напр своего здоровья, нормальнаго біенія сердца, тиканья часовъ и проч) мы не замѣчаемъ, не *обращаемъ* на него своего вниманія, не цѣнимъ, а лишь „потерявши, по немъ плачемъ“.

Тогда получаютъ большой смыслъ въ дѣлѣ проникновенія въ сущность языка и *афазія и другія разстройства рѣчи* (можно не прибавлять „внутренней“=„человѣческой“, какъ это и дѣлаетъ по чутью языка и самъ П—нъ въ этомъ мѣстѣ: народъ въ живомъ языкѣ всегда понимаетъ это слово „рѣчь“ только какъ аттрибутъ человѣка). Это пути нарушенія цѣльной гармоніи, каковымъ является человѣческое слово, подъ вліяніемъ разнообразныхъ заболѣваній. Для современной психіатріи вопросъ объ афазіи (=неговореніи) является въ н. вр. очень острымъ, для языка же это разныя степени потери дара говоренія въ силу ли „разрушенія самихъ центровъ рѣчи“ или „путей между ними и отъ нихъ къ центрамъ слуха и центрамъ мышцъ рѣчи. Въ однихъ случаяхъ сохраняется способность понимать слова при утратѣ способности произвольной рѣчи (двигательная афазія), въ другихъ, напротивъ, больной утрачиваетъ пониманіе чужой рѣчи, способность повторять чужія слова, но не лишенъ дара произвольной рѣчи (чувствительная афазія), въ третьихъ разрушается путь между слуховымъ и двигат. центрами и возникаетъ „проводниковая“ афазія, утрачивается способность повторять слышимыя слова“ (с. 50-я).

Въ этой главѣ приводится рядъ демонстрацій, какъ угасаетъ психическая жизнь больныхъ афазіей (потеря пониманія, неправильность счета, неумѣнье читать и т. п., наиболѣе поражается память), очень важныхъ и для школы, гдѣ появляется все болѣе и болѣе дефективныхъ психически и нервно (что прежде всего, разумѣется, отражается въ языкѣ и особенно т. н. „правописаніи“ (частный случай—т. н. „*аграматизмъ*“ т. е. неразличеніе грамматич. категорій нашей

рѣчи)—очень сложномъ [1]) процессѣ, идущемъ легко у совершенно здороваго организма и представляющемъ неодолимыя почти трудности и для ученика и для учителя, разъ дѣло касается субъекта съ какими-бы ни было разстройствами или неправильностями въ устройствѣ долей мозга, завѣдующихъ воспріятіемъ и творчествомъ рѣчи) Но все это уже дѣло психіатріи, б. м. экспериментальной педагогической психологіи, и лишь косвенно касается нормальнаго строенія языка. Важно только, что сущность этихъ нарушеній заключается въ томъ, что „слово перестаетъ значить для больного какъ символъ“ (с. 64-я), а причины, если они случайно разыскивались—обычно травматическія пораженія черепа, неправильности въ строеніи мозга [2]). Интересны, конечно, и наблюденія надъ постепеннымъ выздоровленіемъ такихъ больныхъ, въ такихъ случаяхъ, гдѣ выясняется норма рѣчи. Таковъ, напр. широко извѣстный въ психіатріи „случай Фойта“ (Фойтъ—молодой человѣкъ—упалъ съ лѣстницы, проломилъ себѣ черепъ, почти оглохъ и почти ослѣпъ, но моторныя (графическія гл обр). представленія словъ сохранились и по мѣрѣ выздоровленія занимали господствующее мѣсто проводниковъ въ сознаніе. „Чтобы найти требуемое слово, онъ обыкновенно тайкомъ производилъ движенія письма руками и ногами. Если руки и ноги ему удерживали, онъ производилъ соотвѣтствующія движенія языкомъ. Если же ему не только удерживали руки и ноги, но и заставляли высунуть языкъ, то онъ не въ состояніи былъ найти слово, обозначающее данный предметъ“ (с. 65)—т. е. приближался къ методу воспріятія рѣчи слѣпоглухонѣмыхъ — осязанію, тогда какъ обычно, нормально люди неграмотные—непремѣнно дѣлаютъ движенія языкомъ тѣхъ звуковъ, изъ которыхъ по слуху состоитъ этотъ рядъ словъ, а грамотные—иногда и

---

[1]) Да еще и въ психіатріи далеко невыясненнымъ. это нарушеніе связи между словомъ и его образами (гл обр. графическими) въ силу т наз *„оптической* афазіи“, заключающейся, по Бехтереву, въ нарушеніи связи между обоими центр. зрѣнія и центрамъ словесно-слуховыхъ образовъ“.

[2]) Въ послѣднее время къ числу важнѣйшихъ источниковъ психич. и нервныхъ заболѣваній (въ родѣ преждевременнаго слабоумія) присоединилось ученіе о самоотравленіи организма черезъ дисфункцію выдѣленій (см сдѣлавшую эпоху въ медицинѣ книгу Э Абдергальдена „Защитные ферменты животнаго организма)“.

воспринятыхъ съ письма и переведенныхъ на слуховыя.—При душевныхъ болѣзняхъ, чѣмъ онѣ глубже, тѣмъ сильнѣе разрушается строеніе рѣчи: появляются синтактическія и этимологическія ошибки, слова не договариваются и постепенно обращаются въ нечленораздѣльные звуки, т. е. человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, но не дѣлается и животнымъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ [1]), доходя иногда до полнаго молчанія, а порою создавая свой языкъ съ сильной эмоціональной окраской словъ. (Напрасно только проф. Погодинъ относитъ въ этотъ разрядъ упадочниковъ и состоянія экстаза,—этой б. м. иногда высшей ступени рѣчи и духа, хотя и заявляетъ, что „для особенныхъ переживаній нуженъ и особенный языкъ“ (с. 74)—напр. для поэта лирика, гдѣ онъ долженъ быть близокъ къ грани музыки, а потому порою б. м. уходить сознательно отъ обычнаго строенія рѣчи. вспомнимъ нашумѣвшее когда-то фетовское „Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья“..., которое извѣстнымъ рядомъ критиковъ считалось за безсмыслицу). Напрасно также вносить сюда и совершенно особый, весьма сложный вопросъ о потерѣ дара рѣчи на одномъ изъ языковъ лицами, говорившими на 2 или нѣсколькихъ (классическій примѣръ—Тютчева, послѣ удара переставшаго до конца жизни владѣть русскою рѣчью, но сохранившаго вполнѣ здравой психику и рѣчь на франц. языкѣ) соприкасающіеся съ вопросами (опять таки в. неразработанными) о т. наз. „раздѣленіи сознаній“, о раздвоеніи личности“. Напрасно также тѣсно связывается идіотизмъ со склонностью къ стихамъ, риѳмѣ и ритму, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ *„не удалось еще* ни установить точныя и практически пригодныя подраздѣленія между различными ступенями отсталости, ни *отдѣлить отсталаго отъ нормальнаго, ни даже опредѣлить истинную природу умственной слабости, которая характеризуетъ отсталаго*“ (цитата изъ Бине и Си-

---

[1]) Подобно тому какъ „одичавшее домашнее животное даже вѣками свободы не отожествляется со своимъ дикимъ сородичемъ. Одичавшая кошка никогда не обращается въ дикую кошку. И совершенно понятно, т. к прирученное, одомашненное животное есть какъ бы разновидность дикаго, нерѣдко даже пережившая тотъ угасшій стволъ, отъ котораго она нѣкогда отщепилась Одичаніе же влечетъ за собою дальнѣйшую эволюцію типа, но не возвратъ къ первонач. формамъ“ (*Павловъ* „Какъ человѣкъ приручилъ жив.“ Пр. и Л. 1913 № 35, с. 546.

мона, приводимая Погодинымъ на с. 85); а еще важнѣе—отдѣлить генія и помѣшаннаго, а, значитъ, раздѣлить формы мышленія—языка пониженныя отъ возпосящихся въ недосягаемую (а потому для обычнаго ума—ненормальную) *высь*. „*Формы внутренней рѣчи у глухонѣмыхъ и ихъ духовная жизнь*“ представляютъ, пожалуй, большій интересъ для изученія и установленія нормъ языка, но эта жизнь, къ сожалѣнію, еще очень мало изучена. Глухонѣмой, „м. руководиться въ своей жизни только зрительными образами, приближаясь т. о. къ состоянію идіотизма [1]), какъ духовной жизни безъ языка. Совершенно измѣняется картина, когда глухонѣмой пріобрѣтаетъ способность говорить или писать. Тогда у него м. возникнуть двигательная или же зрительная (графическая, двигательно-графическая) внутренняя рѣчь и духовная жизнь его сразу (?—очень медленно и постепенно по моимъ наблюденіямъ) обогащается всѣми тѣми средствами отвлеченнаго мышленія, какими обладаютъ нормальные люди“ (с. 91-я). Приближаются къ нормальному уровню средняго человѣка глухонѣмые, къ сожалѣнію, лишь въ исключительныхъ случаяхъ,—особенно одаренные, что и д. б. по идеѣ: вѣдь они для пониманія окружающихъ обладаютъ крайне ограниченными средствами (въ темнотѣ, съ людьми, сильно обросшими волосами или вообще неотчетливо артикулирующими—они совсѣмъ не могутъ сообщаться; не говорю ужъ о „пониманіи по-своему“ и воспринятаго [2]), не говорю и о всѣхъ свойствахъ рѣчи, приносимыхъ слухомъ и т п.), да и языкъ обычный, родной для окружающихъ воспринятый путемъ грамоты), для нихъ является иностраннымъ, чужимъ хотя и отлично какъ бы изученнымъ. Проф. Погодинъ приводитъ характерный отвѣтъ одного глухонѣмого на вопросъ: „Когда вы видите сонъ, грезите ли вы при этомъ о разговорѣ и на какомъ языкѣ ведутся разго-

---

[1]) Я бы только добавилъ „кажущагося“, т к мои многолѣтнія наблюденія надъ жизнью глухонѣмыхъ показали, что и эти дѣти различны въ развитіи и до обученія грамотѣ (они объясняются знаками) и иногда отличаются большой смысленостью.

[2]) Эту черту—особности и трудности воспріятія рѣчи даже нормальными людьми—подмѣтила уже и техническая наука: новѣйшіе телескопы уже съ микрофонами и *для носа*, т. к. слова съ носов звуками особенно плохо воспринимаются

воры?—На обоихъ: на своемъ (т. е. языкѣ жестовъ) и на устномъ (с. 92). При „слышаніи“ глухонѣмыми словъ они вмѣсто звуковъ воспринимаютъ „только воздухъ—воздушный потокъ“ (ib.). При мышленіи г—он чувствуетъ, „что пальцы движутся, хотя они лежатъ спокойно Я вижу внутренно картину, которая получается движеніемъ пальцевъ“ (ib.), поэтому глухонѣмые въ рисованіи превосходятъ нормальныхъ сверстниковъ. „Мимическіе жесты иногда соотвѣтствуютъ цѣлой фразѣ.. Поэтому и мыслить легче въ мимической формѣ... Во снѣ люди завѣдомо не умѣющіе изъясняться ни мимикой, ни пальцами, вдругъ свободно со мною разговариваютъ“ (с. 99-я). Языкомъ, пріобрѣтеннымъ въ школѣ, глухонѣмые *между собою* при встрѣчѣ никогда не пользуются, какъ чужимъ, иностраннымъ, труднымъ.

Слѣпые все постигаютъ осязаніемъ, чего никакъ услышать (точнѣе—перевести на языкъ слуха) нельзя, потому, въ противоположность глухонѣмымъ“ слѣпой имѣетъ склонность къ мышленію безъ образовъ; всякое слово, за исключеніемъ развѣ названій предметовъ, съ коими легко связываются осязательные образы (мыло, ножъ и проч.) является для слѣпого прежде всего звуковымъ образомъ. Слова „зеленый, яркій“ и т. п. имѣютъ для слѣпого такой же отвлеченный характеръ, какъ и слова „вѣчность, истина“ и пр. (с. 100-я).

„Та работа, которую зрячій совершаетъ, окинувъ взоромъ комнату, продѣлывается слѣпымъ съ помощью мышленія. Порядокъ расположенія предметовъ въ комнатѣ является для него конструированнымъ отвлеченнымъ понятіемъ, которому м. соотвѣтствовать, вѣроятно, только извѣстныя осязательныя представленія“ (с. 101-я), гл. обр. основанныя на числовыхъ отношеніяхъ (на числѣ, напр. шаговъ). Эти недочеты психики восполняются тонкостью слуха, позволяющей создать т. наз. „слуховой пейзажъ“ на основаніи цѣлой массы чертъ замѣтныхъ для нормальнаго человѣка, легкихъ нѣжныхъ звуковъ природы вродѣ шороха, тренія насѣкомыхъ въ травѣ, „и дольней лозы прозябанья“ (на высотахъ духа); шумъ дверей и оконъ видоизмѣняется въ городѣ до безконечности; вотъ этимъ оріентируется слѣпой, совершая путь по многочисленнымъ улицамъ города.

Далеко опережаютъ они нормальныхъ людей въ способности наблюдать и изучать самыя тонкія измѣненія, оттѣнки,

голоса, интонаціи, музык. тембры и по нимъ различать добраго или жестокаго человѣка, умнаго и глупаго и т. д. Вѣдь и нормальные люди руководствуются при познаваніи чувствъ другихъ людей слухомъ по преимуществу, т. к. выраженіе лица мы умѣемъ „сдѣлать“, но фальшивая интонація тотчасъ выдаетъ „притворщика“; по „голосу“ мы узнаемъ человѣка, съ которымъ очень давно не видались, наружность коего перемѣнилась до неузнаваемости. Слѣпымъ эти пути различенія открыты въ совершеннѣйшей предъ ними степени и слуховой образъ (звукъ, шумъ,—издаваемый предметомъ) связывается съ самымъ предметомъ въ неразрывную ассоціацію, создающую привычку и всюду такъ поступать, т. е. символически уже связывать съ предметомъ, далее не издающимъ совсѣмъ звука (отвлеченное понятіе), извѣстный звуковой комплексъ-слово. Подробно этотъ вопросъ разсматривается далѣе у П—а при передачѣ исторіи развитія многонашумѣвшихъ въ научной литературѣ и въ обществѣ слѣпоглухонѣмыхъ Елены Келлеръ и Лауры Бриджменъ, которыя довели до высшей степени развитія единственное оставшееся въ ихъ распоряженіи чувство для воспріятія міра—осязаніе.

„На первыхъ урокахъ она (Лаура) подобно ученой собакѣ, терпѣливо подражала тому, что дѣлалъ учитель, теперь (—когда Лаура поняла, что буквенные знаки на бумажкѣ и на предметѣ тожественны и именно и обозначаютъ этотъ предметъ) началъ дѣйствовать ея разумъ. Она оказалась въ состояніи понять, что здѣсь было найдено средство выразить все то, что происходило въ ея душѣ, и сообщить объ этомъ другой душѣ, и ея лицо сразу приняло по истинѣ человѣческое выраженіе [1]). Теперь это уже была не собака и не попугай; это былъ безсмертный духъ, который жадно хватался за связь, соединяющую его съ другими духами“ (с. 107-я).

„Лаура, научившись употреблять слова для обозначенія качествъ, пріобрѣла способность къ отвлеченному мышленію, которая выразилась въ сужденіи: „Лаура печальна“ (с. 108-я).

[1]) Мои наблюденія надъ глухонѣмыми въ моментъ полученія или сознанія тожества нарисованнаго (жука, напр.) съ „рисункомъ“ буквами и съ живымъ жукомъ устанавливаетъ озареніе лица необычнымъ свѣтомъ радости

„Имена прилагательныя казались ей первоначально лишь другимъ именемъ предмета: „большая книга“ представляла собою какъ бы два имени одного и того же предмета и Лаура спрашивала: какое еще есть другое имя у стульевъ, столовъ и т. д. (с. 112). И дѣйствительно—это рѣзкая грань въ исторіи развитія мысли: человѣчество, какъ показалъ Потебня въ своихъ великихъ твореніяхъ, затратило огромнѣйшія усилія въ теченіе вѣковъ на выдѣленіе качества отъ предмета, и эта категорія мысли поздняя по времени

Одна сторона только у Лауры, какъ и всякой слѣпоглухонѣмой, осталась въ зачаточномъ состояніи—фантазія, воображеніе (даже во снѣ ограниченное крайне узкими рамками). По мѣрѣ развитія, въ Лаурѣ все наростала потребность изливать свою душу въ звукахъ - шумахъ, сначала слабыхъ и пріятныхъ для слуха, далѣе—громкихъ и непріятныхъ; когда она поняла, что эти звуки привлекаютъ къ ней вниманіе другихъ, она стала пользоваться ими цѣлесообразно: звать ими къ себѣ, а еще позже она стала думать и нѣкоторыми изъ своихъ звуковъ, которыя связались у нея съ опредѣленными чувствами. *Это было уже настоящее творчество человѣческой рѣчи, какое создало и вообще человѣческій языкъ* и создаетъ у каждаго начинающаго говорить человѣка (младенца) свой словарь звуковъ для выраженія своихъ чувствъ“ (с. 110-я). Среди ея первоначальныхъ звуковъ особенно выдавался рѣзкостью звукъ гнѣва, вой, котораго она умышленно внѣ этого эмоціональнаго состоянія воспроизвести не могла. Впослѣдствіи Лаура „придумала до 60 звуковъ, которыми и называла различныхъ людей“ (с. 110-я), и такъ явственно—отлично одинъ отъ другого, что напр. „каждая изъ 12 слѣпыхъ дѣвочекъ (—съ которыми Лаура находилась въ частомъ общеніи), услышавъ звукъ, могла сказать, за кого ее принимаетъ Лаура“ (с. 111-я). При этомъ звуки эти (вродѣ foo-foo-foo или too-too-too, ріу-ріу-ріу, ра-ра-ра) конечно, не являлись звукоподражательными (ономатопоэтическими). И еще одно существенное замѣчаніе: звуками Лаура думала и говорила лишь о людяхъ и съ людьми, которыхъ она очень любила (въ высшихъ стадіяхъ души), а имена безразличныхъ она складывала на пальцахъ. Лишь значительно *„позже, когда эти звуки вслѣдствіе частаго употребленія ассоціировались все тѣснѣе съ представленіемъ объ*

извѣстномъ лицѣ, постепенно утратились ихъ эмоціональная окраска, и они сдѣлались настоящими именами" (с. 111-я).— Исторія развитія Лауры показываетъ, конечно, не эволюціонный путь созданія языка, а необходимость признать и въ „типахъ убыванія" (въ ихъ динамикѣ), что „никакое паденіе личности не есть послѣднее паденіе" (Достоевскій), т. е. что „образъ и подобіе" Творца присущи и этимъ стадіямъ человѣка, въ отличіе отъ иначе сотвореннаго Имъ животнаго міра; что эти высшіе дары м. б. усиліями любви ближняго вызваны къ жизни, какъ бы они ни казались умершими (подобно тому какъ зерно за тысячелѣтія пребыванія въ пирамидахъ не потеряло своей жизнеспособности— прорастанія).

„*Мимика и жестъ*"—способы возбудить въ другомъ вниманіе и пониманіе въ ту пору, когда слово еще не заняло царственнаго своего положенія—,являются очень видными агентами при выработкѣ взаимоотношеній людскихъ. Но иногда этотъ „языкъ" является какъ искусственный, иногда въ силу запрещенія говорить словами (напр. вдовамъ по смерти мужа въ теченіе 12 мѣсяцевъ), во время охоты и т. п. Однако во всѣхъ разновидностяхъ этого языка „постоянной внутр. связи между символомъ—жестомъ и предметомъ нѣтъ (с. 118), значитъ это не человѣческій языкъ, а несовершенный его суррогатъ, лишь черезъ слово могущій получить метафорическое символическое значеніе („наставить рога"—символъ невѣрности и проч.) „Разобщеніе жеста и звука въ различныя категоріи выраженія произошло у нормальн. человѣка постепенно... Звукъ превратился въ слово, а жестъ отступилъ на заднее мѣсто" (с. 121-я).

Та же участь и мимика, но она ближе къ инстинктивности, непроизвольности, потому почти совершенно лишена условности, символичности и потому не м. б. сознательнымъ средствомъ общенія между людьми. (Основа ея—вкусовыя ощущенія; вообще связь ея съ эмоціями очень тѣсна и потому языкомъ она не м. б.: „немыслима мимика справедливости, божества или дерева, поѣзда, собаки, тогда какъ условными жестами возможно передать эти понятія" (с 125-я).

„*Роль языка въ состояніяхъ экстаза и въ сновидѣніяхъ*, хотя и весьма важна, но и в. различна; поэтому, какъ я выше замѣтилъ, соединять ихъ въ этой странной смѣси нераціо-

нально. Буддійская сутта и „христіанскій мистицизмъ“ даютъ совпаденіе двухъ картинъ экстатическаго подъема, созданныхъ на разстояніи тысячелѣтій и десятка тысячъ верстъ одна отъ другой, основанное на многочисленныхъ личныхъ опытахъ экстатиковъ, и имѣютъ значеніе важнаго психологич. документа (с. 127-я). Это ступени восхожденія къ единенію съ божествомъ“ .. . „какъ будто двѣ жизни сразу: одна изъ нихъ цѣликомъ превращается въ союзъ съ Богомъ, другая похожа на обыкновенную матеріальную жизнь этого міра“ (iв). „Постепенное, намѣренное вычеркиваніе изъ своего сознанія всего того, что принадлежитъ къ жизни нормальной, мірской, составляетъ путь къ достиженію того сосредоточенія сознанія на одной идеѣ, которое понимается какъ слiяніе съ божествомъ... требующее со стороны человѣка отказа отъ своей воли“ (с. 127-я) („Да будетъ воля Твоя“ —и вся суть христіанства крестныя страданія Христа— въ этомъ) [1]).—„Итакъ, передъ нами какая-то особая форма познанія, не нуждающаяся въ мышленіи словами, но раскрывающаяся съ помощью спеціальнаго мистическаго метода (с. 128). „Для „высшаго познанія“... все то человѣческое познаніе, которое выражается въ словахъ и сужденіяхъ, имѣетъ своимъ объектомъ внѣшній и внутр. міръ и обогащаетъ человѣческій интеллектъ, оказывается чѣмъ-то постороннимъ“ (с. 130); здѣсь работаетъ языкъ сердца, наводящій „молчаніе рта, мысли и разума“.

„Въ экстазѣ св. Тереза узнавала въ одно мгновеніе такое множество замѣчат. вещей, что въ обычномъ состояніи она не могла бы при всѣхъ своихъ усиліяхъ представить себѣ и въ нѣсколько лѣтъ одной тысячной“ (с. 131).—(Ср. то же ускоренное переживаніе напр. у альпинистовъ, срывавшихся съ высоты въ бездну и въ моментъ этого пролета переживавшихъ мысленно чуть не всю жизнь). На высшихъ ступеняхъ экстаза религіознаго человѣкъ находится въ „особомъ настроеніи спокойствія и неподвижности“ (с. 131); „душа внимаетъ божественнымъ словамъ“ (с. 132).

---

[1]) Тогда какъ молитва, выросшая на почвѣ аморализма и индивидуализма — анархизма, когда эти стадіи перерастаются когда является потребность въ молитвѣ, выливается въ форму: „Отче, во вѣки да будутъ едины воля Твоя и Моя“ (*Рѣдько*), Op. cit., с 332

Это особая область духа надъ которой не заносится рука проф. Погодина; онъ только замѣчаетъ, что въ этомъ состояніи „общеніе съ себѣ подобнымъ становится немыслимымъ“ (с. 132), я бы только сказалъ вмѣсто себѣ подобными—съ нормальными, обыкновенными людьми.

Все приправленіе экстаза къ безумію (для котораго есть терминъ „одержимость“) сопровождающемуся буйствомъ, криками, неустанной болтовнѣ, уходитъ въ низы этой формы духа „угасающаго“, который и церковью осуждается, считается чуждымъ, далекимъ отъ нея. Богатый, сюда относящій матеріалъ, собранный въ книгѣ Коновалова „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ“, надѣлавшей въ свое время много шума и въ духовной и въ свѣтской печати, широко использованъ здѣсь Погодинымъ. Но это болѣзненныя явленія, упадочныя, вызванныя лишь религіозными „недомоганіями“, безсиліемъ отчаянія проникнуть въ эту высь, острое горе о невозможности вернуться въ „рай“ и проч. Это болѣзненныя явленія, а таковыя м. возникать на любой почвѣ. И въ этой области, конечно, можно кое-что почерпнуть для пониманія существа языка; это своего рода лабораторіи, гдѣ препарируются разлагающимся духомъ тѣ или иные элементы крайне сложнаго и могучаго орудія — языка; здѣсь можно насмотрѣться подольше на нѣкоторыя обнаженныя его части приблизительно тѣ же, что были уже отмѣчены выше въ наблюденіяхъ надъ сочиняемыми языками. „Къ такимъ же низшимъ состояніямъ человѣческой жизни переноситъ насъ и сновидѣніе нормальнаго человѣка“ (с. 136); здѣсь „интеллектъ подчиняется пассивно той вереницѣ образовъ, которая проносится передъ нимъ, соединяясь между собою случайными ассоціаціями. Здѣсь нѣтъ мысли и нѣтъ сужденія“ (с. 146).

„*Психологія дѣтскаго возраста и рѣчь дѣтей*“.—„Изученіе дѣтской психологіи переноситъ насъ до извѣстной степени въ минувшія эпохи жизни современнаго культурнаго человѣчества, позволяя заглянуть въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ его очень отдаленное прошлое“ (с. 147) „Основное различіе между культурнымъ ребенкомъ и некульт. взрослымъ человѣкомъ въ томъ, что ребенокъ желаетъ знать, стремится сдѣлаться большимъ“ (с. 150-я). На мой взглядъ, гораздо существеннѣе сходство и различіе ихъ во взглядахъ на при-

роду, на міръ, какъ на живое существо, какъ на субъектъ (а не объектъ). Въ цѣломъ рядѣ страницъ излагаются состоянія ребенка въ до-рѣчевомъ періодѣ и въ періодъ лепетанья, каковыя, конечно, къ творчеству языка имѣетъ в отдаленное отношеніе (чтобы не сказать больше).

„Т. о никакихъ особенностей психической жизни, которыя бы служили предварит. ступенью къ развитію человѣческой рѣчи у новорожденнаго младенца не наблюдается, въ такой же мѣрѣ, какъ и у новорожд. животнаго“ (с. 156).

Отличіе идетъ быстрыми шагами съ той поры, какъ ребенокъ началъ понимать рѣчь окружающихъ, такъ что къ двумъ годамъ ребенокъ становится уже маленькимъ человѣкомъ“ (с. 159), но съ преобладаніемъ аффективности, отодвигающей назадъ логическій элементъ—„Ребенокъ въ три года съ трудомъ распознаетъ на картинѣ предметы и называніе самыхъ обыкновенныхъ вещей оказывается для него своего рода умственнымъ подвигомъ... Съ этой поры, повидимому, и возникаетъ активная умственная дѣятельность у ребенка, и языкъ его пріобрѣтаетъ для своего развитія необход. психо лигич. основанія“ (с. 164), во главѣ коихъ лежитъ страхъ, „необходимый прежде всего потому, что онъ пригвождаетъ вниманіе и воспитываетъ способность сосредоточиться. . Одно изъ главныхъ побужденій къ познанію и наукѣ заключается въ преодолѣніи страха, и многія вещи, которыя теперь намъ особенно близки, прежде казались особенно страшными. Сознаніе, что извѣстный страхъ уже не владѣетъ нами, но что мы владѣемъ имъ, доставляетъ намъ счастливое чувство своей силы. Даже любовь м. возникать изъ нѣкоторой боязливости“ (с 164).

Отличіе мышленія дѣтей и взрослыхъ въ томъ, что у первыхъ „индивидульныя представленія встрѣчаются гораздо чаще... представленія не о предметѣ вообще, но объ опредѣленномъ предметѣ (именно этой розѣ, такой-то собакѣ)“ (с. 170). Увѣряю, что если мы взрослые, люди науки даже, призадумаемся на минуту надъ нашими якобы отвлеченными словами вродѣ напр. „домъ“, „дерево“ и т. п. и подѣлимся плодами своихъ наблюденій, то увидимъ, что у однихъ „домъ“ будетъ все-таки, хотя и въ мутномъ образѣ, но подъ зеленой крышей или соломенной, деревянный, каменный и т. п. въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ сложенія нашего

„отвлеченія"; дерево—для уроженца сѣвера съ образами во флерѣ березы для одной полосы, сосны—для другой и съ полнымъ отсутствіемъ признаковъ березы, скажемъ, для жителей Крыма. Эта образная сторона слова, заглушенная прозою жизни, нуждою спѣшить и комкать мысль, у обыденнымъ человѣка, у дѣтей, *болѣе одаренныхъ*, въ возрастѣ 6 — 13 лѣтъ, занимаетъ преобладающее мѣсто, какъ у болѣе одаренныхъ взрослыхъ—поэтовъ, художниковъ и, къ удивленію, даже у наиболѣе высоко одаренныхъ людей науки.—Любовь дѣтей къ рисованію (но отнюдь не к.-л. незначащихъ—геометрическихъ или декоративныхъ—фигуръ, коихъ дѣти sua sponte никогда не рисуютъ) плодъ „стремленія къ завоеванію съ помощью своихъ чувствъ внѣшняго міра, которое заставляетъ его въ ту же пору безъ устали называть предметы".

Несомнѣнно, мы видимъ здѣсь творческій процессъ, который заключается въ созданіи міра дѣйствительности изъ разрозненныхъ образовъ предметовъ, для чего, очевидно, необходимо ихъ осмысленіе съ помощью слова или рисунка, создающаго связь представленія объ *этомъ* (опредѣленномъ) предметѣ съ другими предметами. Такъ создаются ассоціаціи сначала случайныя и неустойчивыя, потомъ все крѣпче залегающія въ сознаніи, какъ основы міросозерцанія" (с. 172). *А что особенно важно и характерно для опредѣленія сущности творенія языка*, такъ это стремленіе изображать на рисункѣ (съ нашей точки—схематическомъ) лишь наиболѣе характерныя, сразу бросающіяся въ глаза, черты: въ рисункѣ, представляющемъ человѣка—на первомъ планѣ голова въ видѣ кружка съ двумя точками по краямъ и черточкой посрединѣ (=глаза и ротъ) иногда даже безъ этой послѣдней. *И эти признаки совпадаютъ съ тѣми, по которымъ создано было слово („знакъ значенія" коего—т. н. этимологія его—еще не затерялась);* такъ напр. въ рисункахъ дѣтей, изображающихъ домъ, важнѣе всего струйка дыма, труба, и слово *„домъ"*, по скольку сохранили намъ изслѣдованія исторіи языка во всей индо-европ. семьѣ восходитъ къ означенію *„дымъ"* (dhumas, fumée, dampfen; брали по куницѣ отъ „дыма" и проч.). Таково ученіе и Потебни, что слово создавалось по способу называнія (б. м. выкрикиванія) первой характерной черты (звука, вѣроятно, или, же движенія, сопровождавшаго звукомъ, производимаго даннымъ существомъ въ широкомъ смыслѣ; въ ту пору и пред-

метъ „неодушевленный“, и явленіе, и процессъ—съ нашей точки зрѣнія—все было надѣлено человѣкоподобною жизнью), поразившей вниманіе человѣка. Исторія умиранія и оживанія образности слова въ языкѣ ясно это вскрыла. Къ этому подошла съ разныхъ сторонъ и соврем. наука, если она не задавалась извѣстной тенденціей, не была слишкомъ „правовѣрной“ въ своихъ теоріяхъ (Ср. объ этомъ у Погодина с. 173—5 и др., гдѣ этотъ *прямой* мыслительный процессъ дѣтскаго творчества въ пониманіи окружающаго названъ неправильно „метафорами“: это перенесеніе именно нашего состоянія пониманія на мѣсто дѣтскаго. Вѣдь и самъ Погодинъ говоритъ: „Подражаніе (—я бы сказалъ скорѣе „отвѣтная духовная волна, *свое* пониманіе“—)развивается медленно и оказывается дѣятельной силой лишь тогда, когда со стороны самаго духовнаго организма идетъ встрѣчная волна, когда воспроизведенныя подражаніемъ дѣйствія ложатся на подготовленную почву“—с. 182) Съ помощью языка человѣкъ опредѣляетъ свою особность, свою личность; такъ оно должно быть и въ жизни ребенка. Поэтому изъ многочисленныхъ сужденій по этому вопросу, приводимыхъ проф. Погодинымъ, на мой взглядъ выдаются замѣчанія проф. Софійскаго ун—та Георгова, предполагающаго въ основѣ саморазвитія ребенка „взаимодѣйствіе двухъ психическихъ явленій“: собственнаго смутнаго представленія ребенка объ его отдѣльности, какъ физическаго тѣла; и почерпаемаго имъ въ заимствованномъ изъ внѣшней среды языка указанія на *я*, какъ субъекта рѣчи“ (с. 184). Къ сожалѣнію, проф. Погодинъ быстро соскакиваетъ съ пути языковаго изслѣдованія этихъ процессовъ вызрѣванія дѣтской души, его языка—рѣчи, и все становится на почву экспериментальной психологіи. Межъ тѣмъ отдѣльные выводы, установленные на первомъ пути, бросаютъ пучки свѣта во всѣ стороны. Такъ напр. длинныя разсужденія и обслѣдованія, что раньше явилось въ дѣтской рѣчи—существительное или глаголъ, что важнѣе для него и т. п., разрѣшаются простымъ наблюденіемъ надъ составомъ языка взрослыхъ въ любомъ художественномъ произведеніи (баснѣ, стихотвореніи), гдѣ существительныя сильно преобладаютъ (въ одинаковой пропорціи—у взрослыхъ и дѣтей) надъ остальными частями рѣчи особенно надъ глаголами, которыя по даннымъ языкознанія и д. б. явиться въ языкѣ въ очень позднюю пору въ связи съ

развит. мышленія, выдѣлившаго наконецъ силу отъ матеріи. То же въ особенности можно сказать и о строеніи (синтаксисѣ) дѣтской рѣчи, самомъ сложномъ, но и самомъ важномъ въ дѣлѣ изученія творчества языка, почти совсѣмъ оставляемомъ въ сторонѣ проф. Погодинымъ. Необходимо помнить общее положеніе, которое укрѣплено и эксперимент. изслѣдованіями, что пониманіе предшествуетъ говоренію (что ясно для всякаго говорящаго—и переводящаго при этомъ—на иностранномъ языкѣ: „языкъ не поспѣваетъ за рѣчью, мыслью"). Роль предложенія на первыхъ порахъ у ребенка играетъ сочетаніе двухъ-трехъ словъ безъ всякой видимой грамматической связи, выражающее чаще всего желаніе—требованіе или вопросъ; смыслъ имъ придается интонаціей, иногда жестомъ (богатый сырой матеріалъ для этого разбросанъ у Погодина на с 201—205, 207—9). Таковымъ долгое время было и строеніе предложенія взрослаго человѣчества, лишь очень долгими усиліями добившагося подчиненія въ паратактическихъ сочетаніяхъ словъ—предложенію.

Эта глава тоже одна изъ сильныхъ по богатству и разнообразію матеріала, къ сожалѣнію, нѣсколько разрозненнаго, разбросаннаго и пополняемаго, иногда повторными, данными въ слѣдующей.

„Языки некультурныхъ народовъ“.

„Въ области изученія развитія языка, какъ орудія человѣческой мысли, совершенствовавшагося вмѣстѣ съ умственнымъ совершенствованіемъ человѣчества... необходимо изслѣдованіе психическихъ предварительныхъ стадій,... на этихъ стадіяхъ возникновенія кристаллизуются первыя формы человѣческой культуры. Исторія человѣчества здѣсь сводится къ исторіи человѣческаго ума“ (с. 215-я). Отличительная черта этой стадіи необычайное обиліе говоровъ и ихъ разновидностей, даже крайняя неустойчивость въ произношеніи извѣстнаго слова однимъ и тѣмъ же лицомъ, а также „спеціальныхъ“ (по 5—6 для собаки, слона, лошади) названій животныхъ, растеній [1]), т. е. состояніе далекое отъ образованія понятій, идей, роднящихъ и сближающихъ разрозненные виды и особи природы и самихъ людей... Конечно, тутъ играетъ оч. видную роль и другая сторона дѣла—„эвфемизмъ“ (который обстоятельно выясненъ у Потебни, о которомъ разбросано не мало замѣчаній и въ моихъ „Заговорахъ“, но почти ни слова у Погодина), т. е. реальная боязнь имени и называніе потому ласкательными словами страшныхъ враговъ (напр. и понынѣ лихорадки—теткою, кумахою и проч.) и наоборотъ, надѣленіе отвратительными именами дѣтей въ семьяхъ, гдѣ они часто умираютъ, „уносятся злымъ духомъ“; имя и именуемое неразрывны,—отсюда избѣгаютъ называть по имени злого духа (у насъ понынѣ „тотъ“, „черный“ и др.) и наоборотъ—вы-

[1]) А для нашихъ глаголовъ, вродѣ: сидѣть, дѣлать, дать—нѣкоторые языки употребляютъ до 150 отдѣльныхъ выраженій.

сокочтимыхъ существъ—Божьихъ именъ, государевыхъ, у нѣкоторыхъ народовъ имени мужа женою и проч. Еще одна черта обращаетъ на себя вниманіе: высокое развитіе такихъ словъ, которыя рисуютъ внутреннее предчувствіе, сердечное томленіе, внутреннее предупрежденіе о приближающемся несчастьи, борьбу съ искушеніемъ, ощущеніе послѣдствій дурного поступка и проч., коими завѣдуетъ такъ наз. „*симпатическій* нервъ"—эта основа „познанія сердцемъ" [1]); это б. м. причина и высоко иногда развитой честности, правдивости у т. н. „первобытныхъ", „некультурныхъ" народовъ. Очень видную роль въ этихъ языкахъ играетъ для дистрибуціи понятій мелодія рѣчи и особенно „музыкальное" удареніе (при отсутствіи нашего выдыхательнаго), „состоящее въ томъ, что тонъ гласнаго звука повышается или понижается при произношеніи" (с. 258-я). „*Стремленіе* банакри—говоритъ одинъ изслѣдователь—*проникать въ существо новыхъ вещей исчерпывалось*, кромѣ вопроса, я ли это сдѣлалъ, еще другимъ *вопросомъ—объ имени*. „Какъ это называется?" кричало хоромъ все общество, и всѣ принимались, не щадя себя, повторять португальскія слова. ...Если кому-нибудь удавалось воспроизвести хорошо подходящее слово, радость его была велика, и я получалъ впечатлѣніе, что и самый предметъ становился имъ какъ-то ближе" (с. 259).. „Названія вещей переносятся банакри съ одного предмета на другой безъ всякаго метафорическаго оттѣнка... Названіе вещи есть сама вещь.. сходство между явленіями устанавливаетъ для него ихъ тожество.., предложеніе сливается, собственно, въ одно слово.. слова *всегда* конкретныя, всегда обозначающія именно *этотъ* видъ явленій, а не вообще явленіе, не обнаруживаютъ звукоподражательнаго происхожденія, но требуютъ для дости-

---

[1]) Этому вопросу посвящена недавно вышедшая большая книга А. А. Суворина „*Новый человѣкъ*". Этотъ нервъ, (проходящій внутри грудной клѣтки и примыкающій къ основанію позвоночнаго столба) и особенно центръ его—„солнечное сплетеніе" (расположенное между сердцемъ и желудкомъ, противъ „подложечки") завѣдуетъ всѣми эмоціями (волненіями), кровеобращ., дыханіемъ и пищевареніемъ; этотъ „брюшной мозгъ" завѣдуетъ инстинктами, хранитъ въ себѣ вторую память, читаетъ человѣческую мысль, обладаетъ способностью прозрѣнія, ясновидѣнія, это центръ познанія „вещей въ себѣ" постиганія Перворазума міра, какъ головной—для внѣшняго

женія ихъ полнаго пониманія побочныхъ изобразительныхъ средствъ, жестикуляціи, мимики и т. п." (с. 263). „Взаимное пониманіе... настолько облегчается одинаковостью ихъ переживаній, вызываемою тожествомъ условій, въ которыхъ они находятся, что иногда просто не является надобности въ произносимыхъ словахъ. Звукъ, изданный однимъ изъ нихъ, жестъ его, выраженіе лица понимаются другими безъ словъ" (с. 271-я). Вотъ условія созданія, первотворчества—по типу—языка, оч. близко къ этому изложенное и Потебнею, и свойственное не только дикарямъ, но и современнымъ состояніямъ языка (образъ и его примѣненіе; художественное произведеніе и его критика) [1]). Среди современныхъ сѣверо-американскихъ языковъ есть не мало такихъ, особенностью коихъ является „инкорпорація, т. е. внѣдреніе объекта въ глагольное выраженіе, т. ч. *глаголъ составляетъ настоящее предложеніе*, а остальныя слова служатъ только для его разъясненія" (с. 276-я). Напрасно только проф. Погодинъ ставитъ въ связь съ этимъ и считаетъ характерными признаками примитивности языка такія явленія, какъ употребленіе различныхъ словъ для выраженія понятія *ѣсть* (напр. мясо и орѣхъ) и „распредѣленіе языковъ по классамъ общества... на одномъ говорили высшіе классы племени, его аристократія, на другомъ—простой людъ" (с. 278). Вѣдь и у насъ понынѣ кушать, вкушать или ѣсть—вещи различныя; нельзя забывать о Ломоносовскихъ штиляхъ, о примѣси французскаго языка къ русскому—въ цѣломъ рядѣ поколѣній, какъ внѣшнемъ признакъ „интеллигентности" еще въ оч. недавнемъ прошломъ, о говорѣ на *ɣ* и нынѣ и т. п. Можно еще согласиться съ характерностью неустойчивости произношенія однихъ и тѣхъ же словъ—звуковъ тѣмъ же лицомъ въ разныхъ условіяхъ, хотя и мы въ извѣстныхъ случаяхъ произносимъ „человѣкъ", а въ другихъ „чэ'къ", пошелъ (пашелъ, пушелъ) и п'шелъ и проч.—Это все черты отнюдь не характерныя для т. наз. „дологической" эпохи человѣческаго интеллекта, до которой такъ падка современная этнологія. „Первобытные люди гораздо больше поглощены *мистическими* свойствами существъ, нежели логическою связностью ихъ собственной мысли. Отсюда

[1]) См. хотя мою брошюрку „Основные вопросы литературной критики" Харьковъ 1896 г.

самыя невозможныя, на нашъ взглядъ, представленія, не соотвѣтствующія нашимъ логическимъ навыкамъ мысли: одновременное присутствіе одного и того же лица въ разныхъ мѣстахъ, многочисленность душъ у человѣка и т. п." (с. 288). Одно слово—туманнаго значенія въ данномъ мѣстѣ—„мистическими" портитъ все дѣло: нельзя же нашихъ понятій (если даже можно въ этомъ случаѣ подставить современное, крайне разнообразное, значеніе этого слова) подставлять на мѣсто „дикарскихъ": вѣдь если слово было душою вещи, если, овладѣвъ первымъ, можно было считать себя владѣльцемъ и послѣдней; если слова разныя давались вещамъ одинаковымъ съ нашей точки (что—см выше—опять таки считается характернѣйшей чертою психики дикаря), то у одной и той же (для насъ) вещи или существа могло быть совершенно логически (отнюдь не „мистически") двѣ, три и больше душъ, а потому и все это теченіе мыслей для своей стадіи строго-логическое, необходимо вытекающее изъ строя міросозерцанія. Такъ что можно подвести итогъ: nihil humanum и для дикаря alienum; въ ихъ языкѣ въ сущности тѣ же процессы въ трафаретѣ, конечно, что и въ наши дни.

А вотъ съ „*Искусственными языками*" дѣло обстоитъ нѣсколько иначе Прежде всего я бы не полагалъ въ ихъ основу „условныхъ метафорическихъ выраженій и крылатыхъ словъ" (с. 290), что наблюдается въ воровскихъ жаргонахъ, въ языкѣ каторжниковъ, офеней и т. п. и строго отдѣлилъ бы ихъ отъ такихъ, которые именно придумывались, выдумывались, сочинялись отдѣльными лицами или группами (начало чему положено было Декартомъ) и въ словарной и въ грамматич. частяхъ (или въ послѣдней только) и притомъ какъ препаратъ изъ membra disjecta въ различныхъ языкахъ *одной* семьи [1]) и не для спеціальныхъ цѣлей (науки, торговли и проч.), а именно для объединенія людей,—въ связи, полагаю, со вздорной (по своей неосуществимости и тому вреду, который она нанесла бы самой идеѣ развитія, прогресса человѣчества, если бы она могла быть осуществлена) идеѣ космополитизма, т к. въ заданіе этихъ язы-

[1]) Сначала цѣль таковыхъ полагалась въ созданіи доступности науки и съ 17 до начала 20 вв. появляются попытки философскихъ языковъ, построенныхъ на алгебраическихъ знакахъ и потому стоящихъ за предѣлами языка.

ковъ нерѣдко входило именно, чтобы въ нихъ совсѣмъ не было національнаго элемента. (Потебня не разъ говаривалъ, что индивидуальное, личное, только черезъ національное, исподволь, по крупицамъ, но непремѣнно откладываетъ въ общую сокровищницу человѣчества—искусство и науку—свои лучшіе перлы). „Всѣ эти языки могутъ разсчитывать для своего распространенія только на особенно счастливыя условія: кружокъ энтузіастовъ, готовыхъ клясться in verba magistri, общую подготовленность необходимаго настроенія въ извѣстной массѣ населенія и т. п.“ (с. 293). „Логическіе языки противорѣчатъ существу языка, требующему эластическихъ формъ для выраженія *индивидуальнаго* содержанія сознанія. Языкъ, не способный выразить индивидуальность, не есть человѣческій языкъ. *Нарѣчіе дикаря*, допускающее хотя бы при посредствѣ грубыхъ средствъ морфологіи оттѣнки для выраженія личныхъ представленій говорящаго лица, *безконечно* выше каждаго изъ такихъ „философскихъ“ языковъ“ (с. 294), какъ все самое примитивное подлинно живое, выше самаго совершеннаго, имитирующаго жизнь. „Естественно, что ни одинъ изъ этихъ языковъ не получилъ никакого распространенія“ (с. 294)—„Нѣсколько болѣе судьба улыбнулась языкамъ созданнымъ a posteriori, т. е. на основаніи дѣйствительно существующихъ языковъ. Впервые программа такихъ языковъ была сформулирована русскимъ дипломатомъ фонъ-Гриммомъ, который выпустилъ ее въ Константинополѣ въ 1860 г.“ (с. 294), и уже въ программѣ обнаружилъ совершенное непониманіе сути языка: языкъ д. б. лишенъ всякаго „произвола“ т. е. не долженъ обладать богатствомъ и разнообразіемъ, а особенно „досаднымъ излишествомъ имѣть по нѣсколько словъ для обозначенія одного и того же понятія“ —„Большую извѣстность и распространеніе получили два всемірныхъ языка — воляпюкъ и эсперанто.“ Послѣдній насчитываетъ въ настоящее время тысячи приверженцевъ, и его успѣхъ внушилъ многимъ, въ томъ числѣ, къ изумленію, и нѣкоторымъ изъ спеціалистовъ по языковѣдѣнію (—очевидно, изъ не занимавшихся, добавлю, никогда вопросами о сущности языка), надежду что возможно выработать всемірный условный языкъ *науки*“ (с. 295), (опять добавлю, экспериментальной б. м,, близкой къ языку знаковъ, словомъ препарированной, мертвенной; но не для гуманитарныхъ

наукъ, и ужъ ни въ коемъ случаѣ не для искусства, поэзіи и вообще живой рѣчи) Воляпюкъ придуманъ въ 1879 г. католическимъ патеромъ Шлейеромъ въ цѣляхъ пропаганды на немъ среди всего человѣчества „идей любви и братства", въ основу его положенъ былъ живой простонародный англійскій языкъ, какъ „наиболѣе распространенный изъ всѣхъ культурныхъ языковъ человѣчества" (с 196), (остальное— пестрая мозаика изъ кусковъ, заимствованныхъ отъ разныхъ народовъ, совершенно чуждая живому развитію языка). „Естественно что воляпюкъ не долго продержался на поверхности обществ. интересовъ. *Вызвавъ къ себѣ въ началѣ 80-хъ г.г. 19 столѣтія живое сочувствіе и вниманіе, онъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ почти совсѣмъ сошелъ со сцены*, и въ 1901 г. насчитывалось уже всего около 150 человѣкъ, сохранившихъ ему вѣрность. *Въ это время гремѣлъ его соперникъ эсперанто Заменгофа, которому предстоитъ, несомнѣнно, та же самая печальная участь въ ближайшемъ будущемъ*, если только она и теперь не постигла его" (299). И такихъ одинаково неудачныхъ попытокъ было нѣсколько десятковъ, на нихъ не стоитъ и останавливаться. Успѣху эсперанто способствовало много случайныхъ обстоятельствъ, въ числѣ коихъ не послѣднее мѣсто занимала идея, совершенно посторонняя языкознанію и его задачамъ: „еврей изъ Бѣлостока,.. насмотрѣвшись съ дѣтства на взаимную ненависть національностей, составляющихъ его населеніе, видя, сколько огорченій вызываетъ политика, направленная противъ того и другого языка", Заменгофъ отказался отъ всякихъ имущественныхъ правъ на свое изобрѣтеніе и предоставилъ его распространять всѣмъ желающимъ" (с. 299—300). Общественное настроеніе и пресса въ массѣ шли навстрѣчу этому личному разрѣшенію наболѣвшаго вопроса, и дали средства для выпуска крайне дешевыхъ учебниковъ и широкой, усиленной рекламы и пропаганды Эсперанто, особенно подчеркнувшей его легкость и быстроту для изученія и доступность всякому, повторяя слова энтузіаста-изобрѣтателя, который увѣрялъ: „Я упростилъ до невѣроятности грамматику... Всю грамматику моего языка можно отлично изучить за полъ-часа" (с. 300), межъ тѣмъ какъ число однѣхъ только приставокъ и вставокъ словообразовательныхъ въ эсперанто—до 50, да и трудность всякаго иностраннаго языка почти исключительно въ

словахъ и стилистикѣ, а не въ грамматикѣ; (тѣмъ болѣе, что синтаксисъ почти устраненъ у Заменгофа), къ тому же, чтобы быстро освоиться съ эсперанто, необходимо знать романскіе, германскіе и отчасти славянскіе языки. Впрочемъ, самымъ блистательнымъ свидѣтельствомъ „легкости“ усвоенія эсперанто является *заявленіе* исполненнаго фантастическихъ надеждъ на будущее эсперанто энтузіаста этого „всемірнаго“ языка *проф. Бодуэна-де-Куртенэ, что онъ научился свободно* (кромѣ отдѣльныхъ словъ) *понимать* всякій эсперантскій текстъ, *проработавъ ежедневно по 12 часовъ втеченіе 2 недѣль!* Да вѣдь это *168 часовъ работы для профессора специалиста*, лингвиста, хорошо знакомаго со многими древними и новыми языками и законами ихъ словообразованія, да еще при увлеченіи дѣломъ: вѣдь это чуть не 2 учебныхъ года для школьника (считая по 2—3 ч. въ недѣлю на этотъ предметъ)!.. „Въ концѣ 1907 г. эсперанто подвергся основательной реформѣ. Создали новую грамматику и новый словарь, и получился *новый* языкъ „Идо“,.. который можно изучить *шутя*, т. к. грамматика его состоитъ изъ немногихъ простыхъ правилъ, не знающихъ исключеній. Запоминаніе словъ не требуетъ большого труда, *такъ какъ* (—убійственное признаніе своей негодности—) многія изъ нихъ извѣстны изъ роднаго или иностранныхъ языковъ“ (с. 303-я). Случилось то, чего необходимо было ожидать отъ всякаго искусственнаго языка, подставляющаго свое пониманіе, свое міросозерцаніе на мѣсто общечеловѣческаго, пытающагося задавить личность, личное творчество, которое всего неугасимѣе отражается въ языкѣ; личность должна вырываться изъ этихъ оковъ произвола одного лица (или небольшой группы), какъ она рвется и всегда и всюду изъ нихъ. И этотъ расколъ, доведшій до созданія *новаго* языка, когда родоначальникъ его едва прожилъ 25 лѣтъ, вполнѣ естественный и необходимый, все же не удовлетворилъ даже яркихъ приверженцевъ „всемірныхъ“ братьевъ эсперанто и идо: въ томъ же 1907 г. является Novilatin проф. Беермана, и за нимъ еще рядъ другихъ, которые должны исчезнуть совершенно, до-тла, съ распространеніемъ въ обществѣ здоровыхъ элементарныхъ хотя познаній въ области языкознанія, къ чему уже теперь направлены и новая программа Министерства Народнаго Просвѣщенія (даже для 4-го класса ср. уч. заведеній). Прекрасно разъяснена

вся несуразность этихъ ненужныхъ, вредныхъ для прогресса человѣческой культуры попытокъ всемірнаго языка и проф. Погодинымъ. „Выходило такимъ образомъ, что культурное человѣчество должно принять для международнаго общенія не тотъ или другой изъ существующихъ и широкораспространенныхъ языковъ, но тотъ, который самъ единолично выдумалъ Л. Заменгофъ. Фактически же это выдумка искусственнаго языка вовсе не диктуется культурными потребностями. Тамъ, гдѣ сталкиваются на незначительной территоріи иногда разноязычныя племена, имъ, дѣйствительно, приходится прибѣгать къ какимъ-нибудь средствамъ взаимнаго пониманія, и, какъ мы видѣли, при скудости культурнаго запаса, характерной для такихъ племенъ, имъ удается изобрѣсти эти средства въ видѣ напр. языка жестовъ... Но у культурныхъ народовъ этой потребности просто не существуетъ... Чтобы объѣздить весь культурный міръ и вести любыя сношенія съ иностранцами“, достаточно знать 4 европейскихъ языка (фр., англ., нѣм. и русскій). А кто читаетъ на этихъ языкахъ, тому открываются еще такія богатства человѣческаго духа, такія великія произведенія человѣческаго разума, предъ которыми, конечно, блѣднѣетъ жалкая „литература“ любого искусственнаго языка, которая создана однимъ или нѣсколькими людьми—(добавлю, хотя бы и самыми выдающимися въ данный моментъ, чему опять таки именно и препятствуетъ „полиглоттство“, „международность“ и т. п.) и должна замѣнить богатства, накопленныя вѣками жизни цѣлыхъ народовъ... Въ области научной сама собою создается международная терминологія по всякой спеціальности. Естественное сближеніе народовъ вызываетъ образованіе множества тожественныхъ словъ для обозначенія различныхъ сторонъ культурной жизни. Вмѣстѣ съ предметами заимствуются и названія ихъ, и такъ было, несомнѣнно уже въ древнѣйшія времена. Такимъ образомъ... *искусственные языки*... никогда не будутъ призваны къ сколько-нибудь значительной культурной роли и *останутся лишь развлеченіемъ и прихотью людей, увлекающихся всѣмъ необычнымъ и склонныхъ къ фантазерству*“ (с. 305).

И что эта волна въ общественномъ сознаніи и мысли пошла уже на убыль, возвратилась вспять, ярко сказалось въ результатахъ послѣдней организаціи для распространенія

всемірнаго языка, учрежденной въ 1909 г.,—„Союза друзей международнаго языка", при коемъ учреждена даже „Академія для научнаго изслѣдованія международнаго вспомогательнаго языка", каковая пришла къ необходимости примѣненія логики къ м—му языку, т. е. возвратилась къ возрожденію забытыхъ уже мертворожденныхъ „философскихъ" языковъ, о которыхъ была рѣчь выше; по крайней мѣрѣ завѣдующій этимъ отдѣломъ французскій философъ Кутюра настаиваетъ, чтобы всякая морфема (элементъ слова) „составляла одно элементарное понятіе и оставалось постоянно неизмѣннымъ" (с. 307), т. е. идетъ совершенно вразрѣзъ съ тѣмъ, что лежитъ въ основѣ всякаго жизнеспособнаго языка, гоняцаго всячески „мертвую зыбь", требующаго отъ всѣхъ участниковъ въ этомъ общемъ дѣлѣ непрерывнаго, неустаннаго, хотя и незамѣтнаго, творчества, самодѣятельности. А потому всѣмъ участникамъ въ этой антикультурной затѣѣ, получившимъ лингвистическое образованіе, вѣдающимъ, что они творятъ, да будетъ стыдно!

Такъ расчистивши себѣ почву для рѣшенія существенныхъ вопросовъ, проф. Погодинъ и переходитъ къ нимъ въ главѣ „*Образъ и слово.—Развитіе значенія слова. — Слова безъ образа.—Понятія —Сужденія*" Къ сожалѣнію, эта часть совершенно не удалась изслѣдователю: онъ не устоялъ на прекрасно подготовленной почвѣ и не нашелъ ясныхъ опредѣленныхъ формъ для выраженія спутаннаго пучка своихъ мыслей. „Образъ,—говоритъ проф. Погодинъ въ самомъ началѣ главы,—не есть что нибудь цѣльное и опредѣленное" (с. 308-я), и затѣмъ приводитъ цѣлыя страницы выдержекъ и пересказовъ изъ наблюденій *врача* Ж. Филиппа, далеко не отличающихся ясностью да и далекаго по спеціальности своей отъ такого рода вопросовъ. Вѣдь эта часть отлично разработана у Потебни; а если и не на него ссылаться, то хотя бы на Овсяннико-Куликовскаго, вообще на лингвистовъ философской и психологической школы. Плоды неудачнаго начала ясны. „*Наряду съ образами простыми* и ограниченными, образами еще недавняго происхожденія и свѣжими въ памяти, *имѣются и такіе, которые по своему характеру представляютъ уже какъ бы синтезъ*, какъ будто бы они составлены изъ подобныхъ образовъ, достаточныхъ каждый для того, чтобы остановить на себѣ цѣликомъ нашъ взглядъ" (с. 309). Въ примѣръ приводится образъ улицы,

какъ будто онъ сложнѣе, чѣмъ любой другой, хотя бы „домъ комната, окно“, которые могутъ являться и входящими одно въ составъ другого, какъ части, но могутъ оказаться въ мысли и равноцѣнными, не говорю уже о переносномъ смыслѣ (въ родѣ „улица собралась“ или на юбилей учредителя собрался весь „торговый домъ“—гдѣ трудно рѣшить, въ первомъ ли случаѣ было больше разнообразныхъ простыхъ единицъ—людей—составляющихъ „сложный“ образъ, или во второмъ) „Есть образы *средняго* типа, наиболѣе обычные въ нашей жизни.. *Всякій образъ* состоитъ *изъ двухъ рядовъ* различныхъ элементовъ: одинъ образуетъ самое существо образа, его ядро, другой—его оболочку, прибавочные (первые—логическіе, вторые—картинные—поясн. въ другомъ мѣстѣ—) признаки“ (с. 309), т. е. уже оказывается, что *всѣ* образы *сложные*.

Та же неясность опредѣленія и какое-то смѣшеніе понятій и далѣе, на цѣломъ рядѣ страницъ. Для образца возьмемъ хотя слѣдующее: „Наиболѣе конкретными являются *наиболѣе рѣдкіе* образы, характерныя черты которыхъ бываютъ очень отчетливыми, опредѣленными и легко доступными описанію“ (с. 313-я)... Чѣмъ чаще повторяется образъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ тенденцію отдалиться отъ конкретнаго *типа* (!?). Возникаютъ различныя переходныя формы, пока образъ не превращается въ чистое отвлеченіе. *Абстрактный образъ*—это нѣчто столь общее, что уже не поддается индивидуальному описанію“ (с. 313). Абстрактный образъ—это противорѣчіе въ самомъ себѣ, какъ и „конкретный типъ“; вмѣсто „рѣдкіе образы“ слѣдовало бы сказать „образы предметовъ, рѣдко намъ попадавшихся на глаза“, или что—нибудь въ этомъ родѣ. И тогда, пожалуй, можно бы говорить о яркости этихъ образовъ въ нашей памяти [1]), такъ какъ они надѣлены еще почти всѣми отдѣльными чертами подлинника, перваго источника воспріятія, постепенно вытѣсняемыми частично другими воспріятіями отъ однородныхъ предметовъ (но все же непремѣнно окрашенныхъ ти-

[1]) Э. Мейманъ—въ своей „Экономи и техникѣ памяти“ М 1913 г — находя (вопреки обычному мнѣнію) наиболѣе экономнымъ заучиваніе запоминаемаго матеріала сразу во всемъ объемѣ, оговаривается, однако, что лишь для взрослаго, для зрѣлаго ума, а не для дѣтей,—значитъ и дикаря и первобытнаго состоянія мысли—необходимо запоминаніе по частямъ

личными, свойственными всѣмъ видѣннымъ предметамъ, чертами, напр. у горожанина при словѣ „домъ“—почти неотлучно ходятъ вовсе не существенные его признаки — каменный, зеленая крыша и т. п., а у жителя глухого села—соломенный, бѣлый и т п.).

Далѣе идетъ у проф. Погодина цѣлый рядъ ссылокъ на *другіе* авторитеты (—для языкознанія опять - таки довольно сомнительной авторитетности—). Такъ напримѣръ, указаніе американскаго психолога Бетса, что нѣтъ умовъ, „способныхъ только къ тому или другому типу (—зрительному, слуховому или осязательному—) образнаго мышленія“ (с 316) вѣдь это другими словами значитъ, что есть еще нормальные люди, надѣленные не всѣми нормальными органами. Если его опыты далѣе обнаружили, что люди, „которые обнаружили у себя полное отсутствіе образности: они думали только словами“ (ib.), то нужно еще спросить во-первыхъ, какими словами, т. к. есть и слова образныя, а во-вторыхъ отнести эти явленія къ области болѣзненныхъ; да еще слѣдовало бы поставить вопросъ о раціональности самаго эксперимента: у американскихъ студентовъ требовали наличности образовъ, связанныхъ со словомъ „религія“ (см. с. 317-ю). Выводъ же изъ неумѣнія образно представить это „безобразное“ слово людьми зрѣлыми и способными къ отвлеченному мышленію, существенный: слово постепенно лишается своей образности по мѣрѣ работы мысли въ этомъ направленіи и потому въ зрѣломъ языкѣ и должны быть двѣ категоріи словъ: слова отвлеченныя и конкретныя, образныя и безобразныя, могущія по мановенію нашей воли и разума и помѣняться мѣстами. Идя по этому правильному пути, Бине и Симонъ (тоже американскіе психологи) впали въ новую крайность: „мысль есть нѣчто отличное и отъ образа и отъ слова, она есть нѣчто другое, она составляетъ иной элементъ... имѣющій характеръ интеллектуальнаго чувства . То, что составляетъ мысль, является ощущеніемъ смутнымъ и часто эмоціональнымъ того, что подготовляется и образуется въ насъ“ (с. 317). Короче: „существуетъ мысль безъ образовъ, мысль безъ словъ, и мысль образуется интеллектуальнымъ чувствомъ“ (с. 318-я). Если должна быть мысль и безъ образовъ, если можетъ быть (въ исключительныхъ состояніяхъ,—сличимъ признанія поэтовъ, художниковъ и пр.) мысль безъ словъ, то „мыслительнаго“

(интеллектуальнаго) чувства не можетъ быть, хотя всякая мысль непремѣнно окрашена нашею индивидуальностью, нашей личностью, а, значитъ, и нашими личными чувствами, только этими многообразными путями и устанавливается и объясняется столь непостоянная связь между образомъ (въ широкомъ смыслѣ) и словомъ [1]).

„Значеніе слова опредѣляется не только наличностью или отсутствіемъ связи слова съ образомъ, не только развитіемъ этого послѣдняго, но и *сужденіемъ*, въ которое входитъ, какъ одна изъ составныхъ частей, слово“ (с. 320-я).

„Обыкновенно мысль болѣе широка, болѣе объемиста: думаешь о цѣломъ, а образъ является только для части; эта часть можетъ быть важной, но иногда она оказывается только подробностью“ (с. 321). Это и показываетъ, что слово можетъ заключать въ себѣ нѣчто сложное, — цѣлое предложеніе, близкое къ сужденію, за предѣлами образности самого слова, и потому вопросъ о возможности мышленія словами безобразными, которому посвящаетъ столько мѣста Погодинъ (слѣдуя Бине „Мысль безъ образовъ“),—ясенъ самъ по себѣ: это область (хотя тоже не обходящаяся въ извѣстной дозѣ— ср. мою статью „Языкъ и математика“—безъ образности—) математики и вообще абстрактныхъ наукъ —Послѣ цѣлаго ряда разсужденій и справокъ о „случайномъ“ и „общемъ“ значеніяхъ слова, приведя довольно удачное выясненіе этихъ нѣсколько сбивчивыхъ терминовъ у Пауля (въ Principien der Sprachgeschichte) [2]) и сдѣлавъ правильный выводъ, что„ случайное“ (—я бы предложилъ замѣнить это сбивчивое выраженіе словомъ „примѣненное“ къ опредѣленному жизненному („казусу“) случаю, явленію—) *значеніе „устанавливается связью слова съ другими или особыми изобразительными средствами, которыя также играютъ роль контекста“* (с. 327), проф. По-

[1]) И потому нужно быть крайне осторожнымъ въ приговорахъ о *безсмысленности* извѣстныхъ сочетаній, хотя бы для насъ связь между ними была совершенно непонятна, чѣмъ грѣшитъ иногда и Погодинъ (см. стр 320).

[2]) „Подъ общимъ значеніемъ мы подразумѣваемъ все содержаніе представленія, которое связывается у людей, принадлежащихъ къ одной языковой средѣ“, съ извѣстнымъ слово, а подъ случайнымъ значеніемъ то содержаніе представленія, которое связывается съ произносимымъ словомъ человѣкъ и котораго ожидаетъ отъ слушающаго, поскольку тотъ понялъ его мысль“ (с. 325).

годинъ почему-то находитъ нужнымъ отвергать тоже совершенно вѣрное и болѣе широкое утвержденіе Бизе (въ „Философіи метафоры“): „Совершенно ошибочно противопоставлять собственному значенію слова несобственное, какъ образное, ибо то, что несвѣдущему человѣку представляется какъ собственное, оказывается для изслѣдователя образнымъ. Строго говоря, и невозможно говорить о чувственномъ и нечувственномъ значеніи, только объ образномъ, которое служитъ для обозначенія столько же чувственныхъ (конкретныхъ) понятій, сколько и нечувственныхъ—понятій“ (с. 327—8). Вѣдь въ этихъ примѣненіяхъ слова (между прочимъ и въ примѣрахъ самого Погодина „молодо-зелено“—образа не къ существамъ, какъ я ужъ указывалъ выше, нѣтъ и тѣни „антропоморфизма“, къ которому почему-то проф Погодинъ относится предубѣжденно—пугливо.—Окончательный выводъ г. Погодина изъ всего этого нѣсколько странный: „Итакъ, мыслить образами, какъ и мыслить только образными словами, нельзя“ (с. 331).—„Послѣ того какъ установлено въ предшествующемъ изложеніи, что слова не всегда должны соединяться съ образами (—я бы говорилъ: *„не всѣ образные“*) ...происхожденіе нашихъ абстрактныхъ (—безобразныхъ—) словъ представляется довольно яснымъ“ (с. 331) и безъ тѣхъ многочисленныхъ экскурсовъ въ область психопатологіи, которымъ отведены П—мъ цѣлыя страницы, т. к. они только подтверждаютъ, что выздоровленіе таковыхъ больныхъ идетъ по пути отъ образности („случайныхъ, собственныхъ значеній), конкретности къ отвлеченности, къ умѣнію создавать синтезъ, понятіе. „Понятіе тѣсно связано съ сужденіемъ“ (с. 335-я). „Подъ понятіемъ—по Крейбигу—вообще слѣдуетъ понимать безобразное (собственно „не наглядное“ — unanschaulich)—представленіе съ обособленіемъ признаковъ, произведеннымъ въ духѣ экономики мысли. Научныя понятія связаны съ относительно постоянными символами (знаками, словами, формулами)“ (с 338-я).

„Слово не есть понятіе, но есть названіе понятія, говоритъ Гейзеръ. Иначе выражаясь, слово выражаетъ то или другое содержаніе понятія (Вундтъ), а *стало быть и измѣненіе значенія слова должно сводиться, въ концѣ концовъ, къ процессу измѣненія самого содержанія понятій*“ (с. 339). „Узнавая съ помощью сужденія о различныхъ свойствахъ предметовъ, я

вмѣстѣ съ тѣмъ расширяю или измѣняю значеніе того слова, которымъ означается предметъ“ (с. 341-я), И въ дальнѣйшемъ изложеніи взаимоотношеніе между сужденіемъ и предложеніемъ становится все менѣе и менѣе опредѣленнымъ и яснымъ. „Сужденія опредѣляютъ такія соотношенія между понятіями, которыя вносятъ въ значеніе слова, выражающаго понятіе, новые оттѣнки. Т. о., не только вслѣдствіе эволюціи образа. но и вслѣдствіе того содержанія, которое вносится въ слово понятіемъ или сужденіемъ, измѣняется его значеніе... Сужденіе требуетъ своего выраженія въ словахъ, и не просто въ сочетаніи словъ (ясное небо), но именно въ предложеніи (небо ясно). Само собой разумѣется, что всегда, когда нужно выразить сужденіе, приходится пользоваться предложеніемъ, и что, вообще, не имѣется никакого иного средства дать выраженіе своему сужденію относительно опредѣленнаго предмета“ (с. 342), т е. какъ будто предложеніе и сужденіе сливаются. Непонятно также, чѣмъ различны „сочетаніе словъ“—„ясное небо“ и предложеніе—„небо ясно“: стоитъ поставить въ той и другой парѣ словъ посреди тире, и идентичность ихъ, именно какъ предложеній (а если угодно, пожалуй, и сужденій) станетъ очевидной, особенно для тѣхъ, кому хоть сколько-нибудь извѣстна эволюція категорій рѣчи Поэтому и общій выводъ г. Погодинъ изо всѣхъ изложенныхъ въ главѣ психологическихъ фактовъ: „Слово получаетъ свое значенія въ предложеніи, предложеніе создаетъ пониманіе между говорящими и воспринимающими лицами; слово пріобрѣтаетъ свое значеніе лишь въ соціальной средѣ“,—является лишь искусственно привязаннымъ ко всему выше сказанному и совсѣмъ плохо связывается съ приводимымъ дальше ученіемъ Потебни о значеніи слова (семазіологія). Проф. Погодину кажется, что суть приводимыхъ имъ выдержекъ изъ „Мысль и языкъ“ въ установленіи „соціальнаго характера рѣчи“ (с. 345); вотъ онѣ: „слово въ каждый моментъ своей жизни есть одинъ актъ мысли, а не два... Что касается до самого субъективнаго содержанія мысли говорящаго и понимающаго, то эти содержанія до такой степени различны, что хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ, но легко можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между

собою только въ словѣ". Продолженіе развитія этой же мысли идетъ у Потебни и на слѣдующихъ страницахъ того же сочиненія, но проф. Погодинъ продолжаетъ выдержки уже послѣ своего замѣчанія: „Вмѣстѣ съ тѣмъ Потебня отмѣчаетъ значенія слова для самого говорящаго лица„ (с. 345)—„Слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно есть средство понимать самого себя. *Оно потому служитъ посредникомъ между людьми и установляетъ между ними разумную связь, что въ отдѣльномъ лицѣ назначено посредствовать между новымъ воспріятіемъ (и вообще тѣмъ, что въ данное мгновеніе есть въ сознаніи) и находящимся внѣ сознанія прежнимъ запасамъ мыслей.* Сила человѣческой мысли не въ томъ, что слово вызываетъ въ сознаніи прежнія воспріятія (это возможно и безъ словъ), а въ томъ, какъ именно оно заставляетъ человѣка пользоваться сокровищами своего прошедшаго" (изъ Потебни — у Погодина с. 345). Опредѣленіе Потебнею слова, какъ „средства сознанія единства образа" кажется Погодину узкимъ, и онъ предлагаетъ „расширить" его такъ: „словомъ выражается не только единство образа, но и всякое единство сознанія" (ib.),—не понимая, очевидно, что въ выраженіи Потебни „единство" возможно (да главнымъ образомъ туда и относится) и для мыслительныхъ процессовъ *одного* лица, а „единство" (лучше было бы на этомъ мѣстѣ „единеніе" или ч.-л. подобное) у Погодина предполагаетъ двухъ—нѣсколькихъ лицъ, „соціальность", что обнаруживается и въ приводимомъ имъ на той же стр. примѣрѣ. Такое же своеобразное пониманіе у Погодина и основного положенія Потебни о характерѣ первоначальнаго слова: „Когда имя было примѣнено къ одному предмету, оно имѣло только единичное, конкретное значеніе. *Другихъ предметовъ того же рода для говорящаго въ это время еще не было* [1]), такъ что эти предметы не могли имѣть того же атрибута. То, что возникло впослѣдствіи, именно *родовое значеніе слова не можетъ быть приписано начальному мгновенію его жизни*" (с 347—у Погодина), Г Погодинъ на той же страницѣ и воз-

[1]) Что г Погодинъ не разъ заявлялъ, удивляясь, что у „первобытныхъ" народовъ существуютъ десятки названій для самыхъ обычныхъ предметовъ (собаки, лошади и проч: сѣрая—одно, вороная—другое и т. д.).

ражаетъ и соглашается съ нимъ: „вопреки этому мнѣнію, я полагаю.. что *слово должно было уже при возникновеніи языка означать безразлично и общій образъ и индивидуальный конкретный образъ* ...Я вполнѣ согласенъ съ Потебней: *первоначальная фраза—слова имѣли только конкретное значеніе*, вызывалась не чувствомъ (и не познаніемъ) вообще, но именно этимъ, теперь возбужденнымъ, чувствомъ. Отсюда уже выдѣлились *первичныя слова*, которыя *были связаны съ конкретными образами*" (с 347). Явное противорѣчіе съ самимъ собою!—„Знаменитый русскій лингвистъ *не достаточно ясенъ*" (с. 348) и въ дальнѣйшемъ развитіи основы своего ученія: Въ словѣ какъ представленіи единства и общности образа, какъ замѣнѣ случайныхъ и измѣнчивыхъ сочетаній, составляющихъ образъ, постояннымъ представленіемъ (которое, припомнимъ,—въ первобытномъ словѣ не есть ни дѣйствіе, ни качество), человѣкъ впервые приходитъ къ сознанію бытія темнаго зерна предмета, къ знанію дѣйствительнаго предмета [1].. Какъ безъ языка невозможно понятіе, такъ безъ него не было бы для души предмета, п. ч. и всякій внѣшній предметъ только посредствомъ понятія получаетъ для него полную существенность... Понятіе развиваетъ только то, что дано уже до него" (с 348—у Погодина).. „Въ значеніи всегда заключено больше, чѣмъ въ представленіи...

Слово служитъ лишь точкой опоры для мысли. По мѣрѣ примѣненія слова къ новымъ и новымъ случаямъ, это несоотвѣтствіе все увеличивается. Относительно широкое и глубокое значеніе слова (напр. „защита") стремится оторваться отъ сравнительно ничтожнаго представленія (взятаго изъ слова „щитъ"), но въ этомъ стремленіи производитъ лишь новое слово. Данныя мыслью новыя точки прикрѣпленія усиливаютъ ея ростъ... Поэзія—преобразованіе мысли посредствомъ конкретнаго образа, выраженнаго въ словѣ... Всякое искусство есть образное мышленіе, т. е. мышленіе при помощи образа. Образъ замѣняетъ множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности, чѣмъ-то относительно единичнымъ и простымъ, близкимъ, опредѣлен-

---

[1]) До этой поры на мѣстѣ предмета была хотя частица реальная своего „я", т е нѣчто ирреальное (превращавшееся въ реальное длиннымъ процессомъ самоанализа).

нымъ, наглядным (с. 349—у Погодина). — Врядъ ли кому эта цѣльная, яркая картина покажется „неясною“, когда она собрана воедино, а не разбита прерывающими пониманіе замѣчаніями Погодина на мелкіе кусочки, хотя и на 2 всего страницахъ [1]) Остальная часть главы,—послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о Крушевскомъ, (къ основному положенію котораго: „Всякая вещь получаетъ свое названіе по одному к.-н. признаку“—г. Погодинъ относится отрицательно—см. с. 353),—посвящена Вундту, на сторонѣ коего наибольшія симпатіи Погодина. „Оставляя въ сторонѣ такія измѣненія въ значеніяхъ, которыя сопровождаются перемѣной и въ звуковомъ составѣ словъ, Вундтъ подробно останавливается на перемѣнахъ, обуславливаемыхъ первопач. признаками понятій. Здѣсь слѣдуетъ различать два основныхъ случая: *частичное* и *полное измѣненіе значеній* Въ первомъ случаѣ слова, получая новое значеніе, сохраняетъ и старое. во второмъ же оно утрачиваетъ это послѣднее. При этомъ наблюдается или постепенное расширеніе значенія, приводящее къ образованію новаго значенія или мгновенный процессъ замѣны одного значенія другимъ, переносъ“ (с. 354—5)... „Этотъ послѣдній случай сводится къ *изображенію* новаго слова или новаго значенія слова“, (с. 355), каковое Вундтъ называетъ „произвольнымъ“, тогда какъ „другой характеръ имѣетъ правильное, постепенное развитіе значеніи... обусловленное строгой законностью“ (с. 355).

Какая своеобразная классификація и на чисто субъективной основѣ!.. Все въ мысли идетъ постепенно, упорнымъ поступательнымъ движеніемъ, „полное“ измѣненіе значенія подготовляется „частичнымъ“ (если только вообще возможно такое дѣленіе); моментъ „мгновенности“ необходимъ для всякаго новаго примѣненія звукового комплекса къ новому запросу мысли, новому „предмету“, что и является всякій разъ созданіемъ новаго слова, всегда актомъ „произвольнымъ“, какъ всякая „инвенція“, всякое творчество —находка но въ то же время и всегда происходящимъ по извѣстнымъ законамъ, подготовленнымъ всѣмъ предыдущимъ ходомъ

[1]) Въ томъ же родѣ и его „полемизированіе“ съ Потебнею на с. 350—1 по поводу метафоры и ея сущности

развитія человѣческой мысли. Это неумолчное, постоянное біеніе пульса языка, какъ самостоятельнаго индивидуальнаго творчества въ отличіе отъ „изобрѣтенія“ новаго слова, т. е. созданія необычнаго, небывалаго до сихъ поръ въ языкѣ сочетанія звуковъ,—явленія очень рѣдкаго [1]). На любомъ примѣрѣ это всякій легко можетъ прослѣдить: „во́ротъ“ и „воро́ть“, „ворота̀“ и „вороти“ мгновенно поворачиваютъ нашу мысль то къ одному явленію, то къ другому даже безъ звукового измѣненія (въ первой парѣ), а въ сочетаніи съ к.-л. инымъ словомъ кругъ вращенія нашего пониманія становится еще шире и разнообразнѣе, напр. „мельничный воротъ“ и „воротъ рубашки“ и т. п.: а звуковыя измѣненія внесутъ еще ряды новостей: „врата“ и „ворота“.

Таковы же сужденія Вундта о „*сужденіи* и *расширеніи* значенія словъ“, при чемъ первое будто бы находится въ „любомъ діалектическомъ словарѣ“, какъ возвращеніе де къ первонач значенію, а послѣднее—„результатъ историческихъ явленій“: сравнимъ хотя бы народное — „діалектическое“ „нѣмецъ“ (всякій иностранецъ, говорящій на чужомъ для народа языкѣ, все равно что „нѣмой“) и наше историческое—культурное—„нѣмецъ“ А дальнѣйшими мотивами въ измѣненіи значеній словъ—„этическими“ возмутился даже г. Погодинъ: „Создавать изъ этой группы переходовъ значенія особую категорію представляется рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ. Точно также только излишнее стремленіе къ систематизаціи заставляетъ Вундта выдѣлять (наряду съ исторически—логическою и нравственною оцѣнкой) еще телеологическій мотивъ переходовъ значеній“ (с. 360). Да и самъ Вундтъ въ заключеніе, послѣ этого длиннаго ряда ненужныхъ подраздѣленій, называетъ еще „психологическую интерпретацію“ обобщающаго характера, покрывающую все остальное: „Психологія языка есть не только одна изъ областей примѣненія психологіи, но и сама служитъ главнымъ источникомъ общихъ психологическихъ свѣдѣній“ (с. 360-я). Не менѣе шатко и ученіе Вундта о первоначальныхъ словахъ, которымъ будто бы дѣлается невозможною, разбивается

---

[1]) Для примѣра назову слово „нападъ“, которое Потебня предлагаетъ вмѣсто „актъ“ мысли

на голову теорія Потебни. Вотъ сущность его: „Предметы назывались первоначально *по общимъ свойствамъ* или по дѣятельностямъ, которыя при нихъ воспринимались .. небо— какъ „сводъ", земля—какъ „вспаханное".. Первоначальное называніе вещей своими именами основывалось собственно на переходѣ значенія. т. к. названія свойствъ и дѣйствій оказывались переносимыми на конкретные предметы, вмѣстѣ съ которыми они воспринимались .. Образованіе понятій о свойствахъ и состояніяхъ должно было предшествовать образованію партій о предметахъ.. *Процессъ первоначальнаго называнія представляетъ подведеніе предмета подъ общее понятіе т. е., иначе говоря, ограниченіе значенія*" (с. 361—2). Значитъ, до слова уже было понятіе (которое именно и создается продолжительной, упорной работой мысли черезъ слово — что признается и Вундомъ), которое потомъ при помощи слова какъ-то ограничивается. Въ заключеніе главы проф. Погодинъ стремится взять какой-то срединный, примирительный путь, чувствуя несообразность этой теоріи. „Слово закрѣпило ту или другую черту образа, сдѣлалось обозначеніемъ и предмета и качества или его дѣйствія.

Слово, а не образъ вошло въ работу мысли. Образъ сталъ гаснуть, но выдвигались словесныя представленія; создавались понятія, объемъ которыхъ выяснялся соединеніемъ словъ въ сужденіяхъ" (с. 364). Недочеты этого утвержденія мною указаны выше.

„Происхожденіе языка“.

Вопросу объ историческомъ обзорѣ *происхожденія языка*, начиная отъ греческихъ и римскихъ философовъ и грамматиковъ, вплоть до нашихъ дней, посвящено г. Погодинымъ четыре главы (с. 369—545); на нихъ я лишь въ самыхъ общихъ чертахъ остановлюсь, изложивъ болѣе подробно — для выясненія методовъ, пріемовъ работы проф Погодина, одну изъ послѣднихъ по времени появленія работъ по данному вопросу

Восточныхъ (индійскихъ) грамматиковъ проф. Погодинъ оставляетъ въ сторонѣ, такъ они по преимуществу выдвигали божественное происхожденіе рѣчи — слова (что не угасало впрочемъ и на всемъ протяженіи исторіи) и останавливается на классикахъ - философахъ, какъ „того исходнаго пункта, отъ котораго пошло европейское научное изслѣдованіе и въ этой области“ (с. 365). Но оказывается, что самые крупные изъ нихъ (Сократъ, Платонъ, Аристотель) разрабатываютъ вопросъ о сущности языка (какъ оно и должно быть), отодвигая происхожденіе его на задній планъ. И эта точка, какъ увидимъ, проходитъ черезъ всю культурную исторію, иногда въ скрытомъ видѣ, но г. Погодинъ всюду ищетъ своего конька „Взгляды средневѣковыхъ философовъ на вопросы, связанные съ происхожденіемъ языка, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не собраны Не всѣ они придерживались библейскаго повѣствованія о называніи Адамомъ вещей природы и видѣли въ этомъ наименованіи разрѣшеніе вопроса о происх. языка“ (с 375—6). А самое характерное явленіе

этой поры — „номинализмъ и реализмъ"—восходитъ своими первоосновами къ античной философіи" (с. 377) „Вопросъ научный былъ отодвинутъ въ средніе вѣка на задній планъ передъ проблемами богословскими, и такъ прекрасно начатая разработка его въ классической древности прекратилась въ угоду необходимости все связывать съ вопросами религіи. Едва ли кто-либо изъ номиналистовъ и реалистовъ среднихъ вѣковъ поставилъ проблему происхожденія языка, какъ вопросъ научнаго познанія. Онъ затерялся въ хаосѣ схоластики" (с. 393).—„По пути, начертанному ученой средневѣк. философіей, долго развивались ученія о происхожденіи языка Только во второй половинѣ XVII в., въ философіи Локка, номинализмъ получилъ обоснованіе на почвѣ эмпирическаго познанія" (ib) и „лишь во второй половинѣ XVIII в. находимъ настоящій научный интересъ къ вопросу о происхожденіи языка... Джемсъ Гаррисъ .. возстановилъ единственно научный принципъ въ изслѣдованіи значенія словъ Онъ опять увидѣлъ въ нихъ символы вещей" (с 394) . „Соглашеніе между людьми,—по Гаррису,—а не природа создала человѣческій языкъ" (с. 395). А Руссо „высказываетъ положеніе, подъ которымъ до извѣстной степени подписалась бы и современная эволюціонная наука" (с 396). Онъ „развилъ почти въ соотвѣтствіи съ нашимъ современнымъ знаніемъ ученія о первоначальномъ эмоціональномъ языкѣ" (с. 397) — понимая его въ видѣ „вопля природнаго.. вызываемаго лишь извѣстнаго рода инстинктомъ въ особыхъ случаяхъ (с. 398), т е. собственно ученіе о до-человѣческомъ языкѣ; а когда онъ доходитъ до настоящаго человѣческаго языка, онъ становится близокъ къ Потебнѣ въ основѣ

„Первоначальныя названія вещей д. б. имѣть спеціальное, конкретное значеніе, служа наименованіями именно этой вещи.. Каждый предметъ получилъ свое отдѣльное названіе ...Если одинъ дубъ былъ названъ А, то другой дубъ былъ названъ В, ибо первая идея, которая извлекается изъ этихъ двухъ вещей, та что онѣ не представляютъ тожества. нерѣдко требуется оч. много времени на то. чтобы замѣтить присущее имъ общее" (с. 399).

...„Намъ хотятъ представить языкъ первыхъ людей, какъ языкъ геометровъ, а мы видимъ, что это были языки поэтовъ... Люди начинаютъ не съ разсужденій.. Образный

языкъ родился сначала.. Во всѣхъ языкахъ наиболѣе живыя восклицанія оказываются неартикулированными; крики, вздохи являются непосредственными созданіями голоса (простыми голосами; de simples voix)“ (с. 401). „Самые звуки д. б. очень разнообразны и различіе удареній умножаетъ тѣ же самые звуки.. Количество, ритмъ становятся новыми источниками комбинацій . Въ первобытномъ языкѣ люди не говорятъ, а поютъ... Первобытный языкъ д. имѣть много синонимовъ для выраженія того же самаго существа въ его различныхъ отношеніяхъ ...Онъ д. б. богатъ увеличительными словами, уменьшительн. формами“ (с 402). Руссо далеко опередилъ свой вѣкъ, и дальнѣйшіе изслѣдователи меркнуть передъ нимъ

— 18-й вѣкъ прочно установилъ принципъ, что „безъ слова нѣтъ мысли“: „безъ сугубаго условія, по силѣ коего понятія привязаны къ звукамъ, а звуки къ письменамъ,— говорилъ Дидро,—все осталось бы погребено въ человѣкѣ, и въ немъ бы погибло“ и „самый вопросъ о происхожденіи языка вовсе не являлся такимъ неразрѣшимымъ и неразрѣшеннымъ, какимъ онъ нерѣдко представлялся впослѣдствіи“ (с. 407), когда его пытались отодвинуть во тьму безсловеснаго, животнаго бытія. Здѣсь встрѣчаемся и съ относительно широкимъ пониманіемъ звукоподражанія, куда относятся и „крикъ природы“ и „живописаніе голосомъ“ (Де-Броссъ), и даже съ правильнымъ представленіемъ о „внутренней рѣчи“: „мыслить,—говоритъ Де-Бональ,—есть говорить самому съ собою внутреннимъ словомъ, а говорить—значитъ мыслить громко и въ присутствіи другихъ“ (с 410-я). Гердеръ уже строго разграничивалъ психологію животнаго и человѣка, и языкъ животныхъ, какъ явленіе всецѣло инстинктивное, и языкъ человѣка, который „дѣлаетъ мало или даже ничего не дѣлаетъ, какъ животное, всецѣло по велѣнію инстинкта“ (с. 410) [1]). „Способность размышленія также присуща человѣку, какъ инстинктъ животному“ (с. 128). Близокъ онъ былъ къ Потебнѣ и въ вопросѣ: „какъ изобрѣ-

[1]) „Только благодаря языку человѣкъ могъ сдѣлаться Божьимъ созданіемъ, какимъ онъ д. б. быть Развѣ эта будущая сила не съ перваго мгновенія его существованія оживила его, вела и направляла“ (с. 428).

генъ былъ человѣческій языкъ": „Обособленіе одного („произведшаго на душу человѣка самое сильное впечатлѣніе") признака изъ совокупности ихъ, данной въ созерцаніи,— таковъ былъ первый актъ рефлексіи, который выразился въ словѣ" (с. 421). Гердеру былъ даже извѣстенъ „законъ бережливости" (нынѣ—„законъ сохраненія энергіи") въ области фонетики, которымъ теперь объясняются законы фонетики.

Тетенсъ отмѣтилъ всю важность и преимущества слова, какъ средства общенія, въ томъ, что произносимое слово одновременно воспринималось и самимъ говорящимъ („внутренняя рѣчь"), а также психическую неоднородность человѣческой массы на самыхъ раннихъ ступеняхъ и необходимость наличности среди нихъ творцовъ, выдающихся людей. Со времени одного изъ основателей сравнительнаго языкознанія Аделунга начинается реальное направленіе въ изслѣдованіи основъ языка—изученіе законовъ, „которые управляютъ человѣческою рѣчью теперь и д. были управлять ея ферментами" (с. 435), — на чемъ строится понынѣ языкознаніе по крайней мѣрѣ со времени появленія „Principien" Пауля.—Эпоху въ изученіи философіи языка сдѣлали труды В Гумбольдта, полагавшаго, что „въ языкѣ надо видѣть не столько мертвое созданіе, сколько создаваніе... Языкъ есть (одновременно) нѣчто постоянное и нѣчто въ каждый моментъ преходящее. Даже его сохраненіе съ помощью письма представляетъ собою лишь несовершенное консервированіе, въ родѣ муміи.. Языкъ является вѣчно повторяющейся работой ума (духа, Geist), которая стремится сдѣлать артикулированный звукъ выраженіемъ мысли.. Высшее и тончайшее . м б. воспринято или смутно понято только въ *связной* рѣчи, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что настоящій языкъ заключается въ дѣятельности его дѣйствительнаго создаванія„ (с. 437). Отвѣтъ на вопросъ, когда и какъ началась такая дѣятельность, и будетъ отвѣтомъ на кардинальный для Погодина—о происхожденіи языка.

„*Языкъ* есть одновременно необходимое завершеніе мышленія и естественное *развитіе заложенныхъ способностей, характерныхъ для человѣка какъ такового.* Но это развитіе *не* есть развитіе *инстинкта, который можетъ быть объясненъ только физіологически.* Не будучи актомъ непосредственнаго

знанія, даже мгновенной самовольности и свободы, *языкъ все же можетъ принадлежать только существу, надъленному сознаніемъ и свободой, и возникаетъ у него изъ невѣдомой ему самому глубины его индивидуальности и изъ дѣятельности лежащихъ въ немъ силъ*“ (с. 440) —Близокъ къ Гумбольдту въ основныхъ воззрѣніяхъ и Гейзе (въ „Системѣ языкознанія“): „Человѣкъ отличается отъ животнаго своимъ разумнымъ умомъ. Тотъ фактъ, что у животнаго отсутствуетъ этотъ послѣдній, доказывается вполнѣ опредѣленно неспособностью животнаго къ совершенствованію. Птицы строятъ свои гнѣзда, а пчелы свои соты и теперь такъ же, какъ онѣ это дѣлали тысячелѣтія тому назадъ. Ихъ поведеніе опредѣлено природой, а не самоопредѣленіемъ, отсюда вытекаетъ отсутствіе прогрессирующаго саморазвитія, отсутствіе исторіи. Человѣкъ отличается внѣшнимъ образомъ отъ животнаго языкомъ“ (с. 447). „Гейзе былъ чуждъ эволюціонной точки и не допускалъ даже мысли о связи первоначальнаго человѣческаго языка съ животными криками (с. 448).—„Съ перваго же момента своего бытія, говоритъ Гейзе, человѣкъ является, согласно своей сущности, самостоятельнымъ, разумнымъ существомъ и долженъ, какъ таковое, выражаться. Поэтому и *происхожденіе языка должно прямо совпадать съ происхожденіемъ человѣческаго рода*, а этотъ послѣдній нельзя мыслить, какъ пребывающій долгое время въ звѣреподобномъ естественномъ состояніи, изъ котораго онъ только медленно и съ трудомъ пробуждается для сознательной жизни“ (с. 449). Т. о. вырытая еще Декартомъ пропасть между животной и человѣческой психикой, еще яснѣе опредѣлившаяся въ трудахъ Гердера, Гумбольдта и Гейзе [1]), дала возможность опредѣленно показать, почему человѣкъ говоритъ, а животное, нѣтъ, но *какъ* онъ заговорилъ впервые, эволюціонно развиваясь изъ животнаго состоянія.—на этотъ вопросъ,—столь модный впослѣдствіи и понынѣ,—это научное теченіе и не могло, да и не должно было отвѣчать: онъ же тѣсно связанъ съ происхожденіемъ самого человѣка, а здѣсь только двѣ точки: человѣческая—эволюціонная и божественная—откровеніе, иначе—разумъ и вѣра,—области глубоко

[1]) Всѣ эти ученые въ основномъ сужденіи о возникновеніи слова примыкаютъ къ Потебнѣ. То же и Лацарусъ: „Слово обозначая цѣлую вещь, выражаетъ лишь одно ощущеніе, т е. одно свойство ея“ (с 458)

различныя, въ корнѣ своемъ. Естественно, что „вѣрующій“ Гейзе находилъ утвержденіе „безбожника“ Фихте — „grundfalsche Ansicht“ (въ изслѣдованіи его „О языковой способности и происхожденіи языка“) о томъ, что инстинктивные, животные звуки лишь тысячелѣтіями, исподволь превращались въ символы, элементы, человѣческой рѣчи, при видномъ участіи въ этомъ процессѣ вождей, начальниковъ племенъ и т. д.—словомъ всего того, что такъ усердно проводится и современной этнологіей.—Всѣ основныя теченія въ изслѣдованіи языка (эволюціонное, историческое и психологическое), изложенныя выше, опирались на *цѣльное міровоззрѣніе изслѣдователей*, тогда какъ „*въ настоящее время едва ли возможно примыкать цѣльнымъ къ тому или другому направленію* въ изученіи спеціальнаго научнаго вопроса, не считаясь съ тѣми данными, которыя предложены наукой въ какомъ бы направленіи не изслѣдовался вопросъ“ (с. 451) Конечно, всѣмъ научнымъ объемомъ вопроса необходимо владѣть всякому ученому, и если онъ являлся сколько-нибудь крупной величиной, онъ и во всѣ времена (не только нынѣ) стоялъ на этой высотѣ, но для таланта—необходимо любое твердо установленное, опредѣленное, свое міровоззрѣніе — какъ лучъ свѣта въ своихъ отправныхъ пунктахъ; оно можетъ совершенствоваться и видоизмѣняться, но оно *необходимо*, и этимъ болѣетъ научная современность. Такъ уже Ренанъ оказался между двухъ стульевъ въ вопросѣ о происхожденіи языка: „Суть дѣла именно въ томъ, что человѣкъ обладаетъ потребностью передавать, сообщать другимъ содержаніе своего сознанія Вовсе не важно, какіе знаки для осуществленія этой задачи употребляетъ человѣкъ: мимику, жесты или какіе-либо звуки. Важно лишь то, что такая, чуждая всему животному міру, потребность констатируется у всего человѣчества, нынѣ извѣстнаго наукѣ“ (с. 453). В то же время Ренанъ пытается установить закономѣрности эволюціи человѣческой рѣчи, и однако заявляетъ, что слово есть орудіе рѣчи, какъ глазъ и ухо — орудія способности видѣть и слышать“, но вѣдь видитъ и слышитъ онъ такъ же, какъ и животное, инстинктивно, значитъ и слово—область инстинкта, который отнюдь „не чуждъ всему животному міру“. Тогда какъ Дарвинъ, какъ послѣдовательный создатель теоріи естественнаго подбора, полагаетъ начало человѣче-

скаго языка „въ глубокомъ до-человѣческомъ прошломъ человѣчества“ (с. 459) и уравниваетъ его съ „шестью различными звуками Парагвайскихъ обезьянъ, находившихся въ возбужденномъ состояніи“ (с. 459). нисколько не задумываясь надъ вопросомъ, понимали-ли вообще обезьяны эти инстинктивныя разряженія энергіи,—въ чемъ вся суть вопроса, безъ чего языкъ обезьянъ и языкъ человѣка будутъ совершенно различными явленіями. А когда вопросъ о *пониманіи* всплываетъ на поверхность, Дарвинъ подставляетъ и здѣсь свое міросозерцаніе: „Отличіемъ человѣка отъ низшихъ животныхъ служитъ никакъ не пониманіе члено-раздѣльныхъ звуковъ: каждый знаетъ, что собаки понимаютъ многія слова и фразы“ (с 460), хотя какъ тонкій наблюдатель онъ долженъ былъ бы строго различать инстинктивное пониманіе *тона* человѣческой рѣчи отъ пониманія самой рѣчи—слова, смысла: собака на самое ласковое слово, произнесенное тономъ угрозы, будетъ реагировать боязнью и наоборотъ, особенно если слово сопровождается и мимикой. „Способность произносить членораздѣльные звуки, говоритъ онъ, также не служитъ нашимъ отличительнымъ признакомъ: этой способностью обладаютъ также попугаи и другія птицы... Не только человѣку свойственна способность связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными понятіями, и нѣкоторые попугаи, научившись говорить, безошибочно сочетаютъ извѣстныя слова съ вещами и извѣстныхъ лицъ съ событіями“, а потому-де отличіе человѣка, въ связи съ его нѣсколько высшимъ умственнымъ развитіемъ, лишь въ „безконечно сильнѣйшей способности сочетать между собою самые разнообразные звуки и идеи“ (с 461) Конечно, теперь легко уже показать данными науки всю несостоятельность и поверхностность этой точки зрѣнія, но сила цѣльности міросозерцанія понынѣ импонируетъ на цѣлые ряды „естествоиспытателей“, не могущихъ выйти изъ-подъ этого гипноза, поднять голову надъ этимъ пережитымъ состояніемъ науки, его прошлымъ — „Очень характерно для эпохи всеобщаго увлеченія естественными науками стремленіе Шлейхера (—выдающагося представителя сравнительнаго языкознанія 70-хъ годовъ, создавшаго такъ назыв. родословное древо индо-европейскихъ языковъ)—объявить языкознаніе отраслью естествознанія „*Языки являются естественными организмами,*

которые возникли независимо отъ человѣческой воли, росли и развивались по опредѣленнымъ законамъ и по законамъ же дряхлѣютъ и вымираютъ; и имъ присущъ цѣлый рядъ явленій, которыя обыкновенно понимаютъ подъ словомъ жизнь Поэтому глотика, наука о языкѣ, оказывается одной изъ естественныхъ наукъ“ (с. 461—2). Допущено въ угоду модной теоріи смѣшеніе гуманитарной науки съ экспериментальной [1]) и слову „жизнь“ придано крайне узкое, только органическое, значеніе, болѣе широкая и существенная— психическая, духовная (въ каковомъ смыслѣ и теперь совершенно основательно, даже не метафорически, говорятъ о жизни слова).—„Разумѣется, говоритъ проф. Погодинъ, при такомъ пониманіи вопросъ о происхожденіи языка долженъ разрѣшаться чрезвычайно просто: „То, что Дарвинъ установилъ для видовъ животныхъ и растеній, примѣнимо, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ къ организмамъ языковъ“.. Зоологическіе роды соотвѣтствуютъ въ языковѣдѣніи семьямъ языковъ... Отдѣльные языки представляютъ виды рода „потомство одного общаго праязыка, изъ котораго они произошли путемъ постепенныхъ измѣненій“ (с. 462). „То, откуда пошли всѣ языки, представляло собою звуки со значеніемъ, простые звуковые образы для воззрѣній, представленій, понятій, которые могли функціонировать во всякомъ примѣненіи, т. е. какъ всякая грамматическая форма“ (ib)—„Языки принимаются, какъ готовое, какъ уже возникшее, и только дальнѣйшее развитіе изъ простѣйшихъ организмовъ представляетъ научный интересъ для Шлейхера“ (с. 463). Изслѣдователи культуры человѣческой, происхожденія цивилизаціи, даже въ лицѣ крупнѣйшихъ представителей—Тейлора и Леббока — также подхвачены были этой могучей волной модной теоріи: „Отъ животнаго къ человѣку тянется непрерывная цѣпь развитія, которая продолжается и далѣе въ предѣлахъ развитія человѣческаго рода отъ дикаря къ современному культурному человѣку“ (с. 466).— „Эволюціонная школа въ исторіи культуры выработала нѣ-

[1]) Что отмѣчено было уже Уоллесомъ („Дарвинизмъ“), который указалъ, что теорія Дарвина не способна объяснить намъ происхожденіе ума человѣка и особенно рзвитіе математическихъ способностей и искусства“ (с 464)

что въ родѣ догмата въ разрѣшеніи вопроса (—о происхожденіи языка): языкъ возникаетъ, учитъ она, изъ междометій и изъ звукоподражанія“ [1]) (с. 471).

Сюда Гернесъ и Штурцъ относятъ и „общественный шумъ“, какъ выраженія удовольствія совмѣстнаго пребыванія“, чувства общности, солидарности, безопасности и даже радостности“ (какъ то бываетъ въ обществѣ птицъ, животныхъ, иногда и дѣтей) „У человѣка къ этому присоединяется одинаковость содержанія сознанія, какъ бы ни было ничтожно самое это содержаніе“ (с 472) ср. свѣтскую болтовню, разговоръ для разговора (какъ и чтеніе для чтенія—у гоголевскаго Петрушки); въ облагороженномъ видѣ—это хоръ греческой трагедіи Разница „общественнаго шума“ у животныхъ и человѣка весьма существенная: „если этой своей совмѣстной возней животныя вызываютъ другъ у друга общія *чувства*, то человѣкъ создаетъ съ помощью разговора гармонію мысли“ (с 476) прежде всего,—добавлю у,—самого говорящаго (одинъ прокуроръ—см. выше у Погодина—заявлялъ, что мысль его становится свободной, ясной, точной не въ тиши кабинета, а лишь во время произнесенія своихъ рѣчей), такъ какъ люди и говорятъ прежде всего для себя—это существенная черта человѣческой рѣчи (старики, которымъ не съ кѣмъ говорить, неустанно что-то шепчутъ).—Рѣшительнымъ противникомъ эволюціонной теоріи выступаетъ Максъ Мюллеръ: „Великая грань между животнымъ и человѣкомъ состоитъ въ языкѣ.. Языкъ нашъ Рубиконъ, и ни одинъ звѣрь не посмѣетъ переступить его“ (с. 477). „Каждое слово имѣетъ свою исторію, и начало этой исторіи, которое открываетъ намъ этимологія, выводитъ насъ далеко за предѣлы его перваго появленія въ исторіи“ (с. 480). Однако и онъ не

---

[1]) При чемъ у нѣкоторыхъ (напр у Фэррара) эти термины развернуты широко и указаны ихъ источники „Громъ производитъ на разныхъ людей различное звуковое впечатлѣніе: одному онъ кажется раскатомъ, другому мгновеннымъ трескучимъ взрывомъ, у третьяго, при раскатѣ грома особенно запечатлѣвается въ сознаніи сопровождающая его молнія. Въ однихъ европ языкахъ насчитано свыше 350 подражат. словъ для наименованія грома . Въ соловьиномъ пѣньѣ одинъ изслѣдователь насчитатъ 20 колѣнъ· вотъ источникъ разныхъ словъ для названья соловья“ (с. 468)

долго устоялъ на самостоятельной почвѣ: ознакомившись съ эволюціонной теоріей поближе черезъ труды Нуаре, и онъ примкнулъ къ общему хору. Однако неустанная пытливость его ума опять вывела его изъ тины эволюціонизма, и въ болѣе позднихъ трудахъ онъ опять восклицаетъ: „Безъ разума нѣтъ языка и безъ языка нѣтъ разума“

Гейгеръ видитъ зародыши языка „сначала въ движеніяхъ рта, потомъ вообще въ движеніяхъ, называемыхъ словами, означавшими первоначально мимику рта“ (с. 487), а Нуаре говоритъ, что звукъ рѣчи возникаетъ во время общей работы, какъ выраженіе повышеннаго чувства общности, при частомъ повтореніи является названіемъ этой работы, ея символомъ и наконецъ названіемъ вещей, на которыя переносится работа: „языкъ—дитя воли, а не чувства“ (с. 488).

Пауль—одинъ изъ очень крупныхъ изслѣдователей языка, стоя на эволюціонной точкѣ, настаиваетъ лишь на постепенности законосообразнаго развитія языковъ; поэтому изученіе законовъ современныхъ языковъ откроетъ и происхожденіе языка. Поэтому г Погодина онъ не удовлетворяетъ: „Пауль очень силенъ, когда онъ стоитъ на почвѣ имѣющагося въ дѣйствительности матеріала, но его основанія довольно шатки, когда ему приходится обращаться въ область гипотезъ, затрагивающихъ область психологическихъ отношеній“ (с. 519). Въ этомъ отношеніи онъ далеко выше ставитъ антропологическія соображенія о языкѣ Габелентца: „Руки, освобожденныя отъ хожденія получили возможность жестикулировать.. и человѣкъ получилъ возможность работать руками... и въ то же время ртомъ говорить, пѣть, смѣяться, кричать (межъ тѣмъ даже обезьяна на это не способна.. только слонъ, котораго индусы называютъ обладателемъ руки. Не этимъ-ли объясняется и умъ этого толстокожаго)... Несомнѣнное преимущество человѣка, что время его спариванія не ограничено извѣстнымъ періодомъ года“ (с. 527). Анри пошелъ еще дальше, заявивъ, что *„проблема происхожденія языка не относится къ лингвистикѣ, но является однимъ изъ вопросовъ психофизіологіи·* языкъ не дѣло человѣка, но представляетъ продуктъ природы“ (с. 531). и, на мой взглядъ, онъ совершенно правъ, такъ какъ послѣдователенъ: если языкъ не дѣло духа человѣческаго, если его происхожденіе почему-либо уже связано съ животнымъ со-

стояніемъ, то вопросъ о происхожденіи языка и долженъ быть разрѣшенъ въ этой области животнаго состоянія „Онъ начинаетъ съ рефлекторнаго крика, останавливаясь не психологіи птичьяго пѣнія. Этотъ безсознательный, непроизвольный крикъ представляетъ собою лишь разряженіе энергіи, подобно рѣчамъ безумно болтающаго, пьянаго или крикамъ ведомаго на казнь, вовсе не расчитывающаго своей мольбой смягчить своихъ палачей, или стонамъ человѣка, кричащаго отъ внезапнаго страха, или кудахтанью курицы и т. п. Все это составляетъ одинъ разрядъ явленій и относится исключительно къ области физіологіи“ (с. 532). Еще глубже въ область физіологіи спустился для разысканія корней языка Скоттъ: Есть два рода движеній тѣла—для сохраненія жизни (свойств. и простѣйшимъ организмямъ и для выраженія и сообщенія (первоначально для показанія другимъ присутствія жизни, въ родѣ оскаливанія зубовъ, выпучиванія глазъ, сжиманія губъ въ нерѣшимости, поднимания плечами при сомнѣніи и проч.), вообще жестикуляція, мимика, гримасы и наконецъ самая рѣчь. „Въ конечномъ изслѣдованіи выразительныя движенія восходятъ къ жизнехранящимъ“, но уже не для изолированнаго индивидуума, но какъ функціи сохраненія общества, предполагающія въ человѣкѣ соціальный инстинктъ. „Рѣчь произошла изъ дыханія, изъ движеній мускуловъ грудной клѣтки и діафрагмы. ...Присущее человѣку дыханіе легкими вызываетъ естественный характерный звукъ. Въ началѣ человѣческой жизни звукъ нормальнаго дыханія служилъ, несомнѣнно, познавательнымъ актомъ. Онъ обнаруживалъ присутствіе и въ нѣкот. случаяхъ, вѣроятно, тожество лица, производившаго его. Нѣтъ никакой необходимости представлять себѣ этотъ звукъ громкимъ. Слухъ первобытнаго человѣка былъ гораздо острѣе нашего... Даже для насъ, надѣленныхъ тупыми чувствами, слабые шумы связываются въ минуты сильнаго напряженія съ особен. значеніемъ“ (с. 537). Измѣненія въ характерѣ дыханія и въ громкости звуковъ м. служитъ выраженіемъ физическихъ условій или соціальнаго положенія и сообщать другимъ о наличности такихъ условій или положеній, гл. обр. матери с ребенкѣ и обратно“ (с. 537—8). Итакъ, къ коллекціи первоосновъ языка (междометія, звукоподражанія, сопровождающіе крики) присоединилось еще

дыханіе (какъ средство общенія и познанія), и мнѣ думается (вопреки Погодину), что это еще ближе къ рѣшенію вопроса, но конечно не психики, а физіологіи происхожденія „языка“— звука безсмысленнаго, животнаго. Наиболѣе вниманія слѣдуетъ удѣлить „настоящей“ эволюціонной теоріи Вундта (представляющей критическій обзоръ и отрицаніе всѣхъ предыдущихъ теорій — изобрѣтенія, подражанія, естественныхъ звуковъ и чудеснаго откровенія) коимъ „чужда основная мысль настоящей эволюц. теоріи“. Онъ пытается отдѣлить всякое другое развитіе въ мірѣ существъ отъ фактическаго развитія языка, каковое вмѣстѣ съ тѣми особенностями „человѣческаго сознанія, которыя представляютъ это послѣднее на самыхъ низшихъ ступеняхъ, непосредственно доступныхъ нашему наблюденію“ (с. 538), и должно быть положено въ основаніе изслѣдованій языка (хотя это близко къ ученію Пауля и, конечно, не удовлетворяетъ проф. Погодина). Вопросъ, что раньше—разумъ или мысль, или наоборотъ, Вундъ приравниваетъ къ вопросу о томъ, что раньше яйцо или курица, и отвѣчаетъ: „Человѣческій языкъ и человѣческое мышленіе всегда и повсюду развиваются одновременно.. Съ того мгновенія, какъ появляется языкъ, онъ служитъ объективной мѣрой для обнаруживающагося въ немъ мышленія, но онъ является таковымъ лишь потому, что самъ оказывается интегрирующимъ составнымъ элементомъ функцій мышленія“ (с. 539). Оба эти явленія—продуктъ развитія, эволюціи, всякая новая стадія подготовляется предыдущими, „поэтому не представляется абсолютной граница между языкомъ и естественнымъ (первобытнымъ) состояніемъ, лишеннымъ языка... И тѣмъ не менѣе, *для насъ существуетъ пропасть между сознаніемъ даже самой низшей человѣческой расы и сознаніемъ совершеннѣйшаго животнаго, и мы не въ состояніи заполнить эту пропасть никакимъ непосредственнымъ наблюденіемъ*“ (с. 539), хотя первичныя стадіи подготовлены еще въ животномъ состояніи, и въ этомъ Вундтъ соблюдаетъ эволюціонную теорію, уже понимая ее по-новому, по своему, видя ея крупные дефекты. „*Существеннымъ моментомъ въ первонач. языковомъ выраженіи является* не самый звукъ, но *звуковой жестъ*, движеніе органовъ артикуляціи, которое подобно всѣмъ другимъ жестамъ, имѣетъ отчасти указательный, отчасти изобразит. характеръ, и которое, со-

провождая жестикуляцію рукъ и др частей тѣла, *присоединяется въ сущности, къ совокупному выраженію чувствъ и представленій, какъ особый видъ* мимическихъ движеній" (с. 540). „Звуковой языкъ развился первонач. вмѣстѣ съ языкомъ жестовъ и при его содѣйствіи и обособился отъ этого послѣдняго и пріобрѣлъ самостоятельность лишь мало-по-малу, подъ вліяніемъ долгаго совмѣстнаго существованія. Однако прочнаго, не допускающаго никакихъ недоразумѣній соотношенія между звукомъ и значеніемъ никогда не существовало... Исходный пунктъ повсюду не звукоподражаніе, а звуковой жестъ. *Говорящее лицо приспособляетъ свои собственныя артикуляціонныя движенія къ тому впечатлѣнію, которое производитъ на него предметъ* При этомъ оказываетъ дѣятельное участіе и обычная жестикуляція *Разъ возникнувъ, значеніе звука остается уже прочно*, если даже выпадаетъ сопровождающій его жестъ и *если даже звуковой жестъ и звукъ утратили свое первоначальное сродство съ предметомъ* И именно тогда нерѣдко случается, что подъ вліяніемъ впечатлѣнія возникаетъ стремленіе придать звуковому движенію новое родство съ тѣмъ, что оно выражаетъ: такъ возникаютъ разнообразныя явленія вторичнаго звукоподражанія Т. о., не случай создалъ языковой звукъ, но этотъ послѣдній б. опредѣленъ сопровождающими мимическими и пантомимич. движеніями, относившимися къ тому, что звукъ означаетъ" (с. 571-я) Это ученіе, если подставить на мѣсто соотвѣтствующіе термины, близко къ взглядамъ Потебни: слово образное, съ живою этимологіей, скажемъ „удавъ" (=„звуковой жестъ", связанный съ наблюденіемъ „удавленія" этимъ существомъ другого и воспроизведенный мимически со звукомъ—словомъ) ярко иллюстрируетъ всю эту картину привязыванія къ слову его значенія, и конечно дальнѣйшіе пути „вторичнаго звукоподражанія" (человѣкъ, какъ удавъ, задушилъ на глазахъ наблюдателя другое существо, значитъ и къ нему примѣняется тотъ же „звуковой жестъ—звукъ—слово: „человѣкъ=удавъ"). Однако проф. Погодина и такая постановка вопроса не удовлетворяетъ: „Вундтъ совсѣмъ устраняетъ изъ своего разсмотрѣнія вопросъ о томъ, какой же уровень психическаго развитія долженъ предшествовать возникновенію языка Онъ слишкомъ мало знакомъ съ литературой этого вопроса вся сложность и глубина этой проблемы какъ-то не

представилась ему во всемъ своемъ значеніи. Вслѣдствіе этого остается неяснымъ, какія же все-таки психологическія особенности человѣка дали ему возможность достигнуть того, что оказалось недостижимо для всѣхъ остальныхъ животныхъ, почему „звуковой жестъ“ у человѣка повелъ къ возникновенію рѣчи, а у животнаго не далъ такихъ результатовъ“ (с 542—3), т. е. почему онъ не придержался стараго, цѣльнаго эволюціоннаго, въ дарвиновскомъ смыслѣ, взгляда, захватывающаго міръ во всемъ объемѣ,—отъ чего Вундтъ совершенно основательно и сознательно отказался въ своихъ основоположеніяхъ. Отсюда укоры Вундту за непониманіе „историко-культурнаго“ вопроса о происхожденіи языка, за пренебреженіе къ „инстинктивнымъ пониманіямъ тона“ (въ половомъ состояніи, у глухонѣмыхъ и нормальнаго), доступнымъ и животнымъ.—Въ заключеніе этого обширнаго и цѣннаго по обилію матеріала историческаго обзора взглядовъ на сущность языка всего культурнаго человѣчества на протяженіи вѣковъ, г. Погодинъ приводитъ мнѣніе русскаго ученаго проф. Д. Н. Кудрявскаго, находящееся „въ согласіи съ требованіями современнаго языкознанія“ (с. 549). „Выяснить условія происхожденія языка, говоритъ проф. Кудрявскій, мы можемъ только однимъ путемъ: намъ необходимо разсмотрѣть, въ какихъ условіяхъ живетъ и развивается языкъ въ н. время, каковы были эти условія въ прошломъ, и этими данными освѣтить недоступное исторіи время возникновенія языка... Разсматривая эти условія, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ наблюдаются не только у человѣка, но и у животныхъ. Явленія человѣческаго языка представляютъ высшую ступень развитія тѣхъ зачатковъ, которыя мы наблюдаемъ и у другихъ животныхъ. Въ такихъ случаяхъ намъ необходимо выяснить, въ какомъ направленіи шло развитіе этихъ зачатковъ, „чѣмъ отличается отъ нихъ достигнутая человѣкомъ высшая ступень“ (с. 544). „Звуковая сторона рѣчи, заключающаяся въ своихъ первоосновахъ въ естественныхъ звукахъ человѣка и животнаго, извѣстная психическая подготовка, принадлежащая человѣку, какъ одному изъ существъ въ общеи цѣпи животныхъ организмовъ, спеціально человѣческія способности и общія всѣмъ языкамъ, какъ таковымъ, особенности... вотъ вопросы, признаваемые соврем. наукой наиболѣе настоятельными для

разрѣшенія кардинальной проблемы" (с. 544). У Кудрявскаго между животнымъ и человѣкомъ пропасти нѣтъ: „хотя у животныхъ инстинктивное пользованіе звуками преобладаетъ надъ сознательнымъ, а у человѣка наоборотъ, разумное пользованіе имѣетъ перевѣсъ надъ инстинктивнымъ, тѣмъ не менѣе существ. разницы здѣсь нѣтъ: разница только количественная" (с. 545). Проф. Погодинъ вполнѣ съ этимъ согласенъ, хотя это самая слабая сторона работы Кудрявскаго, т. к. инстинктивнаго разума и сознательнаго инстинкта, конечно, быть не можетъ, и это и есть непереходимая пропасть на пути отъ животнаго къ человѣку. „Особенное значеніе для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка проф. Кудрявскій приписываетъ междометіямъ... Если мы разсмотримъ разницу между нечленораздѣльнымъ междометіемъ и словомъ, то мы можемъ уяснить себѣ, какія условія необходимы были для созданія членораздѣльнаго человѣческаго слова.. Междометія—стадія пользованія звукомъ, которая предшествовала созданію языка, и *моментъ возникновенія языка мы можемъ опредѣлить, какъ переходъ отъ междометія къ слову*... Языкъ возникаетъ тогда, когда появляется сопоставленіе представленій и соотвѣтствующихъ имъ словъ" (с. 575). На этой теоріи, какъ наиболѣе удовлетворяющей г. Погодина и „современное" языкознаніе и потому подготовляющей почву для его собственнаго сужденія о проблемѣ языка, чему посвящена послѣдняя глава его труда,—я остановлюсь нѣсколько подробнѣе.

Признавая несостоятельными новыя теоріи происхожденія языка—звукоподражательную и междометную—т. к. онѣ м. объяснить лишь происхожденіе небольшого количества словъ (—неужели только поэтому онѣ не состоятельны?!—), Кудрявскій намѣчаетъ, что сущность вопроса сводится къ опредѣленію связи между звукомъ и значеніемъ, каковая предполагается данной отъ природы, и находитъ ее „произвольной" (я бы ужъ говорилъ: „свободной" что ли, не фиксированной, не закрѣпленной разъ навсегда). Конечно этотъ вопросъ о происхожденіи м. б. относимъ лишь къ человѣческому языку вообще, но не къ к.-л. отдѣльному, напр. французскому (въ этомъ послѣднемъ будетъ итти рѣчь о преемственности формъ). Очень существенно (среди этихъ малоцѣнныхъ и спутаныхъ замѣчаній К—го) одно (не отмѣ-

ченное проф. Погодинымъ): „*Вопросъ ставится о происхожденіи способности человѣка къ рѣчи, а отвѣтить стараются на вопросъ о звуковой формѣ первоначальнаго языка*“ (Кудр. с. 115). Грѣшитъ этимъ и проф. Погодинъ, смѣшивая эти совершенно разнородныя вещи. Тѣмъ болѣе, что у естествознанія нѣтъ такихъ критеріевъ, которые давали бы возможность провести границу между звуками, издаваемыми животными, и человѣч. языкомъ. Эта грань м. б. проведена только языкознаніемъ: выясненіе существенныхъ признаковъ человѣческаго языка одно только м. дать возможность опредѣлить моментъ перехода звука животныхъ въ человѣческій языкъ“ (Кудр. с. 116-я). „Сознательное (—я бы опять предложилъ—„повторное“, вызванное не непосредственнымъ чувствомъ, а воспоминаніемъ, памятью, этой высшей ступенью „сознанія“,—если только этотъ терминъ, безъ грубаго смѣшенія понятій, допустимъ для міра животныхъ) употребленіе звуковъ животными я назвалъ бы нѣкоторымъ подобіемъ языка. Многіе, особенно естественники, называютъ это прямо языкомъ животныхъ“ (Кудр., с 117). „Однако наукѣ всегда слѣдуетъ отказываться отъ тѣхъ терминовъ, которые м. вызывать смѣшеніе понятій. . Это названіе м. ввести насъ въ заблужденіе: мы м. подумать, что языкъ животныхъ дѣйствительно представляетъ первобытную стадію языка, что онъ м. объяснить намъ и происхожденіе человѣческаго языка“ (Кудр., с. 117). „*Между звуками животныхъ и человѣч. языкомъ все еще существуетъ огромная пропасть...* Звуки, издаваемые животными всегда одни и тѣ же у животныхъ одного и того же вида. Животныя не выучиваются своему языку, между тѣмъ какъ человѣческій языкъ безъ изученія не м. б. понятъ“ (с. 118).—*Чего же не хватаетъ попугаю* (—о „сознательномъ“ яко бы языкѣ, котораго такъ много распространяется Дарвинъ въ „Происхожденіи человѣка“—) *для пониманія человѣческой рѣчи? Онъ не усваиваетъ и не можетъ усвоить того расчлененія человѣческой рѣчи, которое является существеннымъ признакомъ человѣческой рѣчи*“ (Кудр. с. 120). Но проф. Кудрявскій и въ вопросѣ о „сознательности“ животныхъ и о „членораздѣльности“ въ ихъ языкѣ все какъ-то сбивается съ тона: „огромная пропасть“ (см. выше) между человѣкомъ и животнымъ какъ-то сразу исчезаетъ въ угоду „современнымъ“ теченіямъ: „хотя дѣйствительно, у животныхъ *инстинктивное* пользованіе зву-

ками преобладаетъ надъ сознательнымъ, а у человѣка наоборотъ... тѣмъ не менѣе *существенной разницы здѣсь нѣтъ: разница только количественная*" (с. 120)... „*Звуки человѣческой рѣчи* (—и членораздѣльные—) *по существу ничѣмъ не отличаются отъ звуковъ животныхъ*, и терминъ „членораздѣльные звуки" не имѣетъ никакой опоры. *И здѣсь разница только количественная:* человѣкъ обладаетъ только большимъ разнообразіемъ звуковъ сравнительно со звуками животныхъ" (с. 120). Однако смутное сознаніе, что тутъ что-то неладно, заставляетъ проф. Кудрявскаго ввести новый терминъ для различенія рѣчи животной и человѣческой въ видѣ „членораздѣльности выраженія мысли", которая возстановляетъ опять между ними пропасть. „Человѣческая рѣчь отличается отъ звуковъ животныхъ своею *расчлененностью:* она всегда обозначаетъ впечатлѣніе, представленіе или мысль, разлагая ихъ при этомъ на составныя части... Этого именно и не могутъ понять въ человѣческой рѣчи животныя" (с. 121-я). „Каждое слово является въ то же время частью рѣчи, иными словами, наша рѣчь является всегда расчлененною на части, анализированною... Человѣческій языкъ, слѣдовательно, отличается отъ звуковъ животныхъ членораздѣльностью выраженія мысли" (с. 121). „Недостатокъ жеста заключается въ его неспособности къ членораздѣльному выраженію мысли" (с. 122). А какая же м. б. у жеста звуковая членораздѣльность? Конечно и ею онъ не м. обладать,—значитъ жестъ —не слово, нѣчто стоящее внѣ человѣческой рѣчи, но и внѣ „языка" даже высшихъ животныхъ, которыя яко бы обладаютъ „звуковою членораздѣльностью", а жестомъ не владѣютъ, п. ч. онъ требуетъ все же осмысленности. Проще было бы оставаться при старомъ установленномъ твердо положеніи, что гранью между человѣкомъ и животнымъ, и гранью не перехождаемою, качественною, является разумное слово, только черезъ сознаніе, создающее членораздѣльность звуковую (непремѣнно предполагающую въ основаніи своемъ сознательную анализирующую мысль, разбивающую конечный звукъ одного слова и начальный въ слѣдующемъ за нимъ въ длинной слитой вереницѣ звуковъ „первобытныхъ, дикарскихъ" словъ) постепенно восходящее къ созданію частей рѣчи (явленіе оч. позднее, требующее высокой степени

развитія человѣческаго языка и мысли, которую проф. Кудрявскій называетъ „членораздѣльностью мысли“).

Межъ тѣмъ, къ удивленію, оказывается, что и у *современнаго человѣка еще „есть слова, которыя не обладаютъ членораздѣльностью*. Это не слова въ собственномъ смыслѣ: мы ихъ называемъ *междометіями*“ (Кудр. с. 122)—стадія „пользованія звукомъ, которая предшествовала созданію языка“ (Кудр с 123), который возникаетъ „на переходѣ отъ междометія къ слову“. Отсюда начинается и до конца идетъ самая слабая часть этой *публичной лекціи* [1]).

Самъ же г. Кудрявскій рекомендуетъ выше избѣгать „терминовъ, которые могутъ вызвать смѣшеніе понятій“, а вѣдь для каждаго изъ насъ всякое человѣческое „междометіе“ есть непремѣнно слово, правда т. наз. „незнаменательное“, не составляющее въ своемъ основномъ видѣ члена предложенія, непочитаемое иными даже за особую часть рѣчи, но все же пособное по первому мановенію мысли наполниться любымъ содержаніемъ, занять и самое почетное мѣсто въ предложеніи (напр. „невольное *ахъ* вѣдь и подлежащимъ можетъ быть“) и стать самою настоящею частью рѣчи, такъ въ приведенномъ примѣрѣ оно—на мѣстѣ и въ значеніи существительнаго А межъ тѣмъ проф. Кудрявскій пытается увѣрить своихъ слушателеи, будто „междометіе и слово отличается совершенно противоположными свойствами“ (ib). Хотя онъ и пытается какъ будто отдѣлить теперешнія междометія отъ такихъ, которыя кажутся ему чѣмъ-то инороднымъ со словами, считая ихъ „крикомъ души,.. весь смыслъ коего заключается въ самомъ звукѣ и интонаціи“ (Кудр. с. 123), однако vitium этого дѣленія всплываетъ на поверхность въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ „Междометіе *отличается общепонятностью*... но несмотря на свою общепонятность *не имѣютъ того, что мы называемъ значеніемъ слова*... Очень часто одно и то же *междометіе м. имѣть совершенно различныя значенія*—(въ зависимости

---

[1]) Чѣмъ б м и объясняется ея „приспособляемость“ ко вкусамъ „толпы“, ея поверхностное отношеніе къ л—рѣ вопроса, ограничивающееся лишь наиболѣе модными, и нѣкоторыя непослѣдовательности—противорѣчія, каковыя, конечно, были бы устранены въ специальномъ научномъ изслѣдованіи. Напрасно только проф Погодинъ подчеркнулъ „современную научность“ этой замѣтки и ввелъ „малыхъ сихъ“ въ искушеніе

отъ интонаціи, которая въ словѣ будто бы не имѣетъ своей силы,—„и какъ бы мы ни произносили *слова* „радость“ и „горе“, они *всегда будутъ намъ гораздо понятнѣе*“ (Кудр. с. 123—4), чѣмъ „общепонятныя“ междометія. Конечно, и человѣкъ можетъ кричать какъ животное, можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и случаяхъ (вопли безумнаго страха, бредовыя рѣчи и т. п.) опуститься до него, и тогда его крики (и даже слова, и даже цѣлыя предложенія) будутъ безсознательны, иногда даже нечленораздѣльны, неосмысленны и неразумны. Но если съ этимъ крикомъ *умышленно, условно*, соединяется постоянно въ его мысли хотя одно опредѣленное значеніе, это уже говоритъ, даже кричитъ, не животное. Итакъ, если междометіе „можетъ имѣть совершенно различныя значенія“, такъ значитъ имъ уже какъ знакомъ значенія, какъ полноправнымъ словомъ мысль давно пользуется; успѣла уже его дифференцировать Съ другой стороны и любое „слово“ (въ смыслѣ г. Кудрявскаго) м. б. на грани междометія; вѣдь разница въ такихъ выраженіяхъ какъ „*горе* мнѣ грѣшному“ и „*увы* мнѣ грѣшному“, вообще незначительная, опредѣляется, разумѣется, не тѣмъ, что „горе“—„слово“ и существительное, а „увы“—не слово и „междометіе“. Въ языкѣ, какъ въ жизни, все подвижно [1]). Что до интонаціи, которая будто бы въ „словахъ“ не играетъ,—въ противоположность „междометіямъ“,—никакой роли, то неужели проф. Кудрявскому не приходилось слышать хотя бы слова „радость“ въ такомъ контекстѣ и въ такой интонаціи, что оно съ успѣхомъ могло бы стать даже на мѣсто „горе“.— Совершенно лишены исторической почвы утвержденія проф. Кудрявскаго, будто „междометіе не имѣетъ исторіи; форма его до нашихъ дней сохранилась безъ измѣненій отъ самой сѣдой старины“ (с. 124). Рѣчь, повидимому, идетъ не объ отдѣльномъ какомъ-либо (русскомъ, франц. и проч.) языкѣ, а о языкѣ вообще, но гдѣ же встрѣчается, скажемъ, „увы“ (явное междометіе и по Кудрявскому) въ греч., лат., даже нѣмецкомъ, французскомъ языкахъ! Да если бы рѣчь шла и объ одномъ

---

[1]) Сильное волненіе лишаетъ часто рѣчь извѣстныхъ степеней связности — раздѣльности, такъ „караулъ“ (собственно существительное стража, охрана), „пожаръ!“—въ аффектѣ перестаютъ быть членами предложенія, въ крайнемъ случаѣ испуга мы и „междометій“ не выкрикнемъ.

языкѣ, согласиться съ такимъ положеніемъ невозможно: я ужъ не говорю о звукоподражательныхъ междометіяхъ (вѣдь я могу, положимъ, такъ увлечься соловьинымъ пѣніемъ, что непроизвольно потихонечку начну подражать ему; такъ часто въ церкви услышишь слабый старческій голосокъ, невольно подпѣвающій хору въ наиболѣе умилительныхъ мѣстахъ), которыя, по свидѣтельству исторіи языка, отнюдь не идентично воспроизводятъ свой подлинникъ (что и естественно, т. к. и эти воспроизводящіе звуки все же не инстинктивны), вслѣдствіе чего для звукоподражательныхъ названій напр. соловья и пѣтуха образовались въ однихъ европейскихъ языкахъ сотни словъ); но и множество словъ (существительныхъ, глаголовъ—„пожаръ! караулъ! разбой! рѣжутъ! хвать!“ и т. п.) другихъ разрядовъ при извѣстной степени нарушенія душевнаго спокойствія, равновѣсія, потерявъ связь съ контекстомъ, становятся междометіями. Но особенно на скользкій путь становится проф Кудрявскій, подымая вопросъ о крайней трудности *правильно прочитать* простое „ха-ха-ха“: нужно дѣйствительно засмѣяться, чтобы оно вышло натурально“ (с. 124). Вѣдь „правильно“ и „натурально“—вещи совершенно различныя въ истокѣ: въ воспроизведеніи—(чтеніи выразительномъ, игрѣ актера и т п), живой рѣчи мы не разъ натолкнемся на такіе случаи, что самая натуральная передача междометія будетъ совершенно неправильной: изображается, положимъ, типъ фальшиваго, лицемѣрнаго притворщика, хитреца, старающагося всячески поддѣлываться къ обстоятельствамъ и лицамъ, или скрытнаго, закоренѣлаго преступника; его „ха-ха-ха“ натуральнымъ можетъ явиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и плохъ же будетъ актеръ, который всюду будетъ натурально хохотать, изображая такой типъ) Слѣдовательно, нельзя утверждать, что „душевное движеніе каждый разъ творитъ междометіе снова“ и что „тутъ некогда что-нибудь вспоминать“ (Кудр., с. 129),—часто приходится и надъ междометіемъ призадуматься, какъ его прочесть, и именно не дать воли душевному движенію, и кое-что припомнить и сообразить . Въ контекстѣ, въ предложеніи, въ синтаксисѣ именно наиболѣе ярко улавливается все многообразіе человѣческой личности, ея многогранной индивидуальности, внезапно являющейся намъ совершенно по-своему: потому-то за синтактическія изслѣдованія и слѣдуетъ

браться лишь со значительной философской подготовкой, (а не естественно-исторической) [1]) помимо, конечно, всей широты спеціальныхъ знаній (куда частично входитъ и естествознаніе). Эта мощь строенія рѣчи своеобразно признается и проф. Кудрявскимъ: „Мы не можемъ придумать ни одного слова, которое бы уже своею формою не указывало на свою роль въ предложеніи“ (с. 130-я), что я бы предложилъ перефразировать такъ: „всякая форма слова постигается—(выясняется) лишь въ предложеніи“. А то вѣдь, по Кудрявскому, напр. слово „стекло“ должно быть, повидимому, только подлежащимъ, что ли? Межъ тѣмъ эта же самая звуковая форма слова по мановенію нашей воли и разума можетъ сыграть въ предложеніи далеко не одну роль („*стекло* разбилось“—подлеж. „я разбилъ *стекло*“—доп., „вода—*стекло* наполняла прудъ“—опред. — приложеніе: „масло *стекло* по бутылкѣ на столъ—сказуемое и проч.); равно какъ и „отвлеченность“ слова,—которую, опять—таки понимая слишкомъ своеобразно и односторонне [2]), проф. Кудрявскій считаетъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ всякаго слова,—въ полной зависимости отъ разумной воли человѣка. Неужели „пѣтухъ“ и гоголевскій „Петръ Петровичъ Пѣтухъ“ кажутся профессору словами одинаковаго объема, или еще „яблоко“ (фруктъ) и „яблоко глазное“, и еще „льетъ *воду* изъ ведра“ и „льетъ *воду* языкомъ“—(пустяки болтаетъ)—развѣ это слова одного порядка? Правда проф. К. оговаривается, что у слова есть еще одно существенное свойство—гибкость, на которой-де основана легкость перенесенія, перехода отъ одного отвлеченнаго все же значенія слова къ другому такому же.

---

[1]) Позволяющей дѣлать такія обобщенія, что—де „безъ вертикальнаго положенія едва ли возможенъ языкъ человѣка“ (Кудряв с. 132), т. к. среди животныхъ птицы обладаютъ лучшими голосовыми средствами.

[2]) „Невозможенъ такой языкъ, который бы отдѣльными словами обозначалъ отдѣльныя явленія: никакая человѣческая память не могла бы вмѣстить такого безконечнаго количества словъ; да и нѣтъ такой головы, которая могла бы изобрѣсти такое количество названій“ (Кудряв с. 125) А исторія языка именно и говоритъ, что на раннихъ ступеняхъ для каждой, скажемъ, лошади было свое названіе, по-нашему отнюдь не отвлеченное, а образное—по признаку, бросившемуся сразу въ глаза въ этомъ предметѣ, и лишь упорной работой мысли создавалось объединеніе однороднаго, складывалось понятіе.

Но вѣдь отвлеченное значеніе слова даетъ *понятіе* о предметѣ, а вѣдь чѣмъ шире объемъ его, тѣмъ уже само понятіе, его содержаніе; значитъ, пользуясь исключительно этимъ путемъ, мысль все болѣе связывала бы себя, съужала. Это тяжелая артиллерія—а для быстрой, подвижной мысли нужно легкое орудіе, каковымъ и является „образность"—перекидываніе легкаго мостика, въ одну былинку—частный признакъ, случайно подмѣченное сходство,—къ другому „понятію", и потомъ постепенное созданіе особаго цѣлаго на этой базѣ, способнаго опять таки во всякій мигъ перекинуть мостъ къ любому изъ сосѣдей. Въ этой смѣшѣ образнаго (конкретнаго, художественнаго) и безобразнаго (прозаическаго, отвлеченнаго, научнаго) пріемовъ мысли—вся жизнь человѣческой рѣчи [1]). Къ сожалѣнію, это не уловлено проф. Кудрявскимъ да еще пущено въ такомъ видѣ въ широкій оборотъ (черезъ „Русскую Мысль"). Въ заключеніе отмѣчу еще разъ цѣнное замѣчаніе проф. Кудрявскаго, могущее предотвратить тѣхъ, кто задумается надъ этимъ, отъ ложнаго пути, на что уже много попусту потрачено силъ: *Новѣйшія теоріи въ поискахъ происхожденія языка* (междометная и звукоподражательная) *„неправильно ставятъ вопросъ и потому даютъ отвѣтъ не на вопросъ о происхожденіи языка, а на вопросъ о звуковой формѣ первоначальнаго языка"* (с. 132).

— Этого существеннаго указанія не примѣтилъ и проф. Погодинъ, и потому, какъ увидимъ изъ послѣдней главы его труда: *„Происхожденіе языка. Языкъ и ритмъ"*, и самъ не отошелъ далеко отъ такой неправильной постановки вопроса.

Еще заключая предыдущую главу, проф. Погодинъ говоритъ: „Въ совокупности своей эта обширная литература выяснила всѣ точки зрѣнія, которыя необходимо принять при разрѣшеніи разсматриваемой проблемы, и если я постараюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи представить нѣсколько своихъ соображеній

---

[1]) Обычно и въ сложныхъ твореніяхъ духа человѣческаго образное предшествуетъ отвлеченному, искусство—наукѣ: Жюль-Вернъ открылъ полетомъ своей фантазіи подводную лодку задолго до ея осуществленія наукой: „безконечная желѣзная дорога", лишь нынѣшнимъ лѣтомъ устраиваемая впервые на международной выставкѣ въ Лейпцигѣ, лѣтъ 20 тому назадъ описана въ одномъ изъ романовъ Уэльса и т. д.

по этому вопросу, то все же, я полагаю, что при настоящемъ уровнѣ знаній возможно лишь дальнѣйшее слѣдованіе по уже проторенным путямъ, и не представляется никакой надобности въ проложеніи совершенно новыхъ"—(т. е. настала или настаетъ какая-то мертвая точка: а вѣдь путь настоящей эволюціи именно неустанное исканіе развитія, движенія впередъ)— „Какъ мнѣ кажется, и теорія звукоподражанія, и теорія междометія и теорія сопроводительнаго крика — всѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя здоровыя зерна, которыя д. б. взрощены наукой" (с 545) „Не эклектизмъ, но критическое изученіе л-ры предмета привело меня къ убѣжденію что *на первыхъ стадіяхъ развитія рѣчи*, какъ и въ н время, *участвовали въ созданіи словаря*—(т. е звуковыхъ элементовъ языка) нынѣ, можно сказать, почти законченныхъ у культурнаго человѣка, всѣ эти процессы" (ib) —„Никакъ нельзя оставить безъ вниманія и тѣ особенности человѣческаго строенія, которыя давали человѣку возможность свободно дышать при ходьбѣ, свободно пользоваться своими верхними конечностями для всяческаго труда, которыя, далѣе, оставляли его ротъ свободнымъ, т. к. онъ не д б. питаться въ продолженіе цѣлаго дня, какъ жвачное животное" (т. е. все область чистой физіологіи!).—„И, наконецъ, человѣкъ д. б. принятъ изслѣдователемъ началъ рѣчи, какъ существо покоящее, подвижное, стремящееся къ общенію съ ему подобными" (с. 546), не добавлено „духовному", ergo, и здѣсь лишь область низшей психики, психики животнаго, и выше этого даже „прокладывать новыхъ путей не слѣдуетъ": не признано даже сравнительно скромное заявленіе проф Кудрявскаго объ отдѣленіи происхожденія звуковой формы отъ вопроса о происхожденіи языка

Однако, начало послѣдней главы какъ будто уже иначе представляетъ дѣло: „*Первобытнаго, еще не говорящаго человѣка мы должны представлять себѣ существомъ, ушедшимъ уже довольно далеко въ своемъ умственномъ развитіи отъ современныхъ намъ высшихъ животныхъ*" (с. 546-я). Какими же „ногами" онъ „уходилъ" отъ животныхъ, не владѣя рѣчью—разумомъ—этимъ единственнымъ болѣе совершеннымъ, не имѣющимся у животныхъ орудіемъ быстроты умственнаго хода?—А нѣсколькими строками ниже—опять нѣчто противорѣчащее предыдущему: „Какъ бы мы ни толковали пути,

по которому шло развитіе „антропитека“ въ направленіи къ человѣку, все-таки исторію человѣческой культуры намъ приходится начинать съ предположенія того существа, которое стоитъ уже несоизмѣримо выше обезьяны“—(т. е. какъ будто съ несостоятельности Дарвиновской теоріи).— „*Безъ языка* (а раньше именно рѣчь о человѣкѣ безъ языка) *невозможно ни логическое мышленіе, ни образованіе понятій* (т. е. именно то, откуда начинается человѣкъ и гдѣ кончается животное),— но чрезвычайная сила и яркость образовъ, развитая эмоціональная сторона духовной жизни, способность къ ассоціаціямъ образовъ, превосходящая все то, что мы знаемъ по этой части у животныхъ: все это слѣдуетъ предположить уже у первобытнаго человѣка“ (с 546). А межъ тѣмъ мы знаемъ, что слонъ обладаетъ неизмѣримо большей памятью (т. е ассоціаціей образовъ), чѣмъ человѣкъ, а лошади д-ра Кралла въ „математикѣ“ оказываются куда сильнѣе своего учителя. Какой-то безвыходный кругъ получился отъ такой постановки дѣла. И такъ и далѣе: тутъ на нѣсколькихъ страницахъ колебанія и переходы отъ животнаго къ человѣку и обратно: получилось неустойчивое равновѣсіе. „Способность и стремленіе издавать звуки д. были принадлежать первобытному человѣку задолго до того, какъ онъ пріобрѣлъ рѣчь—(я бы ужъ избѣгалъ здѣсь слова человѣкъ или хотя ставилъ его въ кавычкахъ во избѣжаніе смѣшенія различныхъ понятій).—Сырой матеріалъ языка д. б. накопиться ранѣе возникновенія сознательнаго языка“ (с. 547), въ видѣ непроизвольныхъ восклицаній (=„междометіямъ“ Кудрявскаго), пѣнія, звукоподражаній и наконецъ всевозможныхъ упражненій звукопроизводящихъ органовъ (прищелкиваніи, прицмокиваній, всасываній губами,—подобно младенцамъ, и т. п неартикулированныхъ звуковъ) *Все это м. б. и было унаслѣдовано человѣкомъ отъ животныхъ предковъ, но создало языкъ уже человѣчество*“ (с. 548)... „Общечеловѣческимъ м б. признанъ только языкъ, состоящій изъ словъ—предложеній Выдѣленіе же изъ этого предложенія отдѣльныхъ словъ произошло уже на почвѣ дальнѣйшаго, не общечеловѣческаго развитія“ (с. 548). Это—пониманіе двухъ, идущихъ непремѣнно послѣдовательно одна за другой, стадій развитія уже настоящаго человѣческаго языка, за нѣчто

совершенно разнородное. Вѣдь, поскольку позволяетъ намъ заглянуть въ эти глубины - старины языка его исторія, древнѣйшія слова были чѣмъ-то, напоминающимъ отчасти наши причастныя формы, т. е. содержащимъ въ скрытомъ видѣ въ себѣ и подлежащее и сказуемое (мушака=воруюшее=мышь): такія слова, сочетаясь парами, дополняли и выясняли взаимно другъ друга (скажемъ въ родѣ „свѣтящее,—блестящее,—мѣряющее“ могли подготовлять слово мѣсяцъ) (измѣритель, ср. mensis, mensura), а въ сравнительно позднюю пору и предложеніе нашего типа „мѣсяцъ свѣтитъ (блеститъ)“

— „Т. о я считалъ бы правильнымъ выставить такое положеніе: *человѣческій языкъ возникъ* въ одномъ мѣстѣ, въ одной группѣ людей, *на основаніи инстинкта*, присущаго человѣческому существу (—лучше бы: „особои, заложенной въ немъ искони, потребности“, чтобы избѣгать этого туманнаго слова: о существованіи инстинкта и у животныхъ, вѣдь, еще спорятъ, настолько сущность его не выяснена—), *но то, что возникло здѣсь, еще не представляло языка въ нашемъ смыслѣ*“ (с. 548) —„Это были только зародыши будущей рѣчи, заключавшіеся въ ритмическихъ, пѣвучихъ сочетаніяхъ слабо артикулированныхъ звуковъ, сочетаніяхъ, которыя уже связывались съ извѣстными эмоціональными значеніями... Образамъ почти всегда соотвѣтствуетъ извѣстная эмоціональная окраска. Вслѣдствіе этого, звуковыя сочетанія ассоцировались и съ образами, и *слово получило свое первоначальное образное значеніе*“ (с. 549)... „Эмоціи, давшія толчекъ развитію языка, д. б. обладать характеромъ обычныхъ переживаній, привычныхъ радостей и печалей. Не эмоціи, вызвавшія крикъ, но эмоціи сопровождавшія дѣйствія, связанныя вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ съ криками или пѣснями, или пѣвучимъ ритмическимъ речитативомъ,—вотъ первоисточникъ человѣческой рѣчи“ (с. 549)... „Человѣкъ, не только поющій свою рѣчь, но и сопровождающій ее инстинктивными спутниками эмоціи—мимикой и жестикуляціей — вотъ тотъ образъ, который рисуется мнѣ, какъ носитель первобытнаго языка. Пониманіе тона и жеста предшествуетъ пониманію словъ, и съ другой стороны, при утратѣ словесныхъ образовъ внутренней рѣчи, сохраняется способность понимать тонъ, ритмъ, мимику и жестъ. Слѣдовательно, эти средства предшествуютъ

возникновенію языка“ (с. 549) [1]).—„Но особенно важное значеніе слѣдуетъ приписать ритму... лежащему въ натурѣ человѣка... Впавъ въ опредѣленный ритмъ, очень трудно отдѣлаться отъ него... Пѣсней м. б. ритмическое повтореніе извѣстныхъ слабоартикулированныхъ звуковыхъ сочетаній“ (с. 549—550).—„Автоматическія движенія, которыя сопровождаютъ выполненіе различныхъ формъ труда (а равно и веселья, пляски), составляютъ его ритмъ. И такой ритмъ работы вызываетъ ритмъ непроизвольныхъ восклицаній, сопровождающихъ усилие. Рабочія пѣсни въ своей простѣйшей формѣ представляютъ ритмъ восклицаній, соотвѣтствующій ритму работы“ (с. 551), „Безсмысленныя слова, очевидно, не играютъ здѣсь большой роли; ихъ значеніе отступаетъ на задній планъ передъ мелодіей, передъ ритмомъ пѣсни... Отъ нечленораздѣльныхъ сочетаній слабо артикулированныхъ звуковъ, которыя своимъ ритмомъ передаютъ ритмъ работы“ пѣсня восходитъ къ такимъ, „которыя также соблюдая ритмъ работы, даютъ ея описаніе въ словахъ“ (с. 552).

„Усилія при ритмическои работѣ вызывали ритмическій же рядъ восклицаній, который ассоціировался съ чувствомъ вызываемымъ этой работой, и съ представленіями ея, такъ что, *въ концѣ концовъ совокупность образовъ, связанныхъ съ работой, связалась въ индивидуальномъ сознаніи съ совокупностью извѣстныхъ звуковыхъ (слуховыхъ) и двигательныхъ образовъ. Первая т о превратилась въ значеніе послѣдней*“ (с. 552). Это впервые удавалось, конечно, наиболѣе развитому въ группѣ и благодаря его авторитету такое сочетаніе укрѣплялось въ сознаніи этой группы. *Каждое лицо въ группѣ „могло связывать съ звуковымъ сочетаніемъ свой образъ предмета и свое чувство, но связь между звуками и вещами была установлена, и такъ возникъ первоначальный языкъ*“ (с. 552).

Къ этимъ послѣднимъ 6 строкамъ можно всецѣло присоединиться: это очень близко къ наблюденіямъ Потебни. Но вѣдь это уже продуктъ сознательной работы, вліянія разумной личности, б. м. и случайно напавшей на такое сочетаніе, и сумѣвшей зажечь въ другихъ пониманіе своей на-

---

[1]) Проф Погодинъ почему-то упускаетъ изъ виду курсъ языковѣдѣнія проф Томсона, гдѣ многіе изъ этихъ вопросовъ трактуются глубоко

ходки. Конечно здѣсь представленъ одинъ случай—подъ воздѣйствіемъ ритмической работы—возникновенія такой прочной связи между звукомъ и значеніемъ. Разумѣется, такихъ случаевъ м. б. сколько угодно, и *„какими бы путями и при какихъ бы обстоятельствахъ ни совершалось внушеніе значенія окружающимъ, все это создавало языкъ.* И ритмъ работы, и восклицаніе радости, и звукоподражаніе, переданное однимъ лицомъ другимъ, становилось зародышами языка, его первыми словами“ (с. 553).

Длительный путь подготовлялъ всякое новое значеніе, новое пониманіе словъ, а рождалось оно въ мысли наиболѣе талантливаго изъ ряда подготовлявшихъ моментально.— Каково же было это первобытное слово? — „Совокупность представленій, связанныхъ съ чувствомъ, была первымъ значеніемъ тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя д. были удовлетворить это чувство“ (с. 554). Къ сожалѣнію, неясно сформулировано въ существѣ вѣрное положеніе; здѣсь прекрасно подходитъ замѣчаніе проф. Кудрявскаго о нерасчлененности („нечленораздѣльности“) мысли на раннихъ ступеняхъ ея развитія. Вѣдь орудіе для такого расчлененія—слово (въ сочетаніяхъ съ другими) было еще не совершенно, „первобытно“ „И потому именно передъ нами не глаголъ, не имя, но по своему значенію цѣлое предложеніе (– въ видѣ одного слова—). Лишь съ разложеніемъ этого послѣдняго на части, разложеніемъ, которое д. было выдѣлить отдѣльныя представленія изъ ихъ первоначальной совокупности, могли выдѣлить отдѣльныя представленія о вещахъ и дѣйствіяхъ. Языкъ начинается съ *синтеза*, который не знаетъ ни именъ, ни глаголовъ“ (с. 554). Такъ прекрасно заканчиваетъ свое изслѣдованіе проф. Погодинъ, но, къ сожалѣнію, какъ разъ у того предѣла, откуда именно и открывается полная и блестящая возможность показать всю мощь творчества, всю созидательную силу слова—этого великаго дара человѣку.

Вотъ она. Вслушаемся въ любой народный говоръ тѣмъ чуткимъ ухомъ, какимъ вслушивается слѣпой въ шумы, въ тихіе, почти неуловимые звуки, шелесты, дыханія природы, которыя открываютъ ему разнообразіе и величіе природы, и мы даже въ звуковомъ составѣ современнаго языка (уже

очень развитого, въ которомъ вообще фонетическія измѣненія и усовершенствованія пошли на убыль, сошли почти на нѣтъ) подмѣтимъ удивительное индивидуальное разнообразіе оттѣнковъ произношенія (цвѣтокъ—твятокъ—квитка), ведущее порою даже въ извѣстныхъ мѣстностяхъ къ разрыву смысловой связи между этой звуковой формой и предметомъ, ею обозначаемымъ, и открывающее возможность примѣненія ея къ другому (иногда уже для всего объема даннаго языка; такъ малорусское „квітка“ непонятно для великоросса и даже въ общелитературномъ языкѣ—для человѣка, незнакомаго съ нарѣчіями родного языка, что у насъ еще считается пока „спеціальностью“, и наоборотъ, отлично извѣстное всему литературно-образованному люду „Квитка“ (Основьяненко) въ такой же мѣрѣ мало понятно средѣ малоросса—простолюдина, въ средѣ коего именно эта форма обще-литературнаго слова („цвѣтокъ“) выросла.

И это не случайность, не частное явленіе, а общій процессъ, неугомонно шумящій въ языкѣ, обнаруживающій, что за сложное и многообразное явленіе человѣческая личность даже въ самой элементарной созидательной дѣятельности. Нечего говорить о томъ, какъ разнообразно примѣняется въ жизни, сколь перемѣнчиво не только въ различныхъ говорахъ, но и въ томъ же говорѣ, языкѣ въ разное время, у разныхъ людей, и въ рѣчи одного и того же человѣка въ разныхъ обстоятельствахъ слово и въ закрѣпшей формѣ звуковой. („*Верста*“—поворотъ плуга, борозды, мѣра земли, мѣра длины, 500 сажень; „*верста* жизни“; „коломенская, чугуевская *верста*“—сначала особенно длинная [1]), а потомъ—для прозванія человѣка длинноногаго, оч. худого и высокаго и т. д.; не говорю уже о цѣломъ выводкѣ производныхъ „сверстникъ“—ведущій борозду, пашущій рядомъ со мною; ведущій рядомъ борозду жизни—однолѣтокъ, вообще товарищъ, равный по службѣ, по чинамъ, орденамъ и проч.). Само собою ясно, сколь неизмѣримо увеличится захватъ мысли — слова, когда соединятся оба пріема — звуковое и смысловое индивидуальное разнообразіе—для общей дѣятель-

---

[1]) По разсказамъ старожиловъ чугуевскихъ виновникомъ этого новаго значенія былъ графъ Аракчеевъ, отмѣривавшій будто бы версты длиннѣе обычныхъ

ности. („Дача"—сначала земля, данная княземъ своему дружиннику, потомъ вообще „жалованный" земельный участокъ и т. д. до современнаго—очень далекаго отъ исходнаго — „дача въ двѣ комнаты", и каждое изъ сложныхъ „отдача, сдача, придача, удача" и т. д., бросающее мысль въ самыя разнообразные углы знаній и наблюденій, съ такими же видоизмѣненіями въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности: „отдача" (денегъ, ружья и проч.), „далъ сдачи" (отвѣтилъ ударомъ или въ такомъ родѣ) и проч.).

Когда же вызрѣютъ на этихъ долгихъ путяхъ мысли ея категоріи, отчетливо выдѣлятся члены предложенія и части рѣчи,—здѣсь, въ предложеніи, въ сочетаніи хотя двухъ изъ вышеразсмотрѣнныхъ разросшихся, расцвѣтшихъ, словъ въ новое сложное цѣлое, въ т. наз. синтаксисѣ, малѣйшая индивидуальная черта—перестановка словъ, мимика, жестъ, удареніе, тонъ, (интонація), темпъ рѣчи, ритмъ ея—все можетъ придать совершенно новое, нежданное значеніе какъ будто закрѣпшему простѣйшему сочетанію („дерево — липа" и „липа—дерево", „дерево — липа?" и „липа — дерево!" — все различныя пониманія одного и того же для глаза сочетанія словъ). Въ письменной передачѣ такого короткаго текста болѣе тонкихъ оттѣнковъ (существующихъ явно въ живой рѣчи) воспроизвести невозможно: они улавливаются въ контекстѣ, тѣмъ болѣе сложномъ (вплоть до цѣлаго художественнаго произведенія,—стихотворенія, басни, романа, драмы, научнаго изслѣдованія и проч.), чѣмъ сложнѣе духовная жизнь того лица (или лицъ), рѣчь—мысль коихъ выливается во внѣ, въ словѣ Объемъ статьи не позволяетъ мнѣ приводить здѣсь такіе примѣры [1]), да они и излишни: вся мощь слова и широта ея захвата ясны для всякаго, кто призадумается уже надъ приведенными, памятуя, что число комбинацій неимовѣрно возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія (относительно небольшого) числа комбинируемыхъ элементовъ даже въ математикѣ, гдѣ нѣтъ мѣста врастанія въ простую комбинацію, въ элементъ ея, чего-либо сложнаго, что постоянно наблюдается въ языкѣ—Такъ значитъ языкъ воочію есть

[1]) Иллюстрацией послужитъ маленькій экскурсъ въ область разнообразія пониманія сложнаго термина „православіе" по статьѣ Никольскаго, приводимый ниже

дѣятельность, притомъ крайне разнообразная, многообъемлющая, *дѣятельность созидающая* (на обычныхъ, повседневныхъ процессахъ) и творческая (на болѣе высокихъ), подготовляющая путь къ пониманію такихъ состояній духа человѣческаго, которыя подымаются надъ разумомъ, превосходятъ его силы Это область высшихъ подъемовъ духа въ творчествѣ художниковъ, коимъ для наиболѣе тонкихъ и вышнихъ взлетовъ духа наши слова (во всемъ ихъ величіи) оказываются недостаточными, слабыми—„мысль изреченная есть ложь", какъ оказывается слабой наша наука для пониманія четвертаго измѣренія, хотя орлы нашей научной мысли пробовали туда взлетывать и принесли смутные зачатки такого вѣдѣнія. Это предѣлъ для обыденнаго человѣка вверху, какъ животное было внизу, позади, въ проиденномъ мыслью—наукою пути Тутъ начинается восхожденіе къ „святости", какъ при частичныхъ разрушеніяхъ души былъ возвратъ къ животному.

Дѣятельность языка - мысли во всемъ захватѣ его заключается собственно въ двухъ актахъ: въ постановкѣ вопроса и въ отвѣтѣ на него; одно слово (или любой рядъ—цѣпь таковыхъ) является вопросомъ,—„подлежащимъ" (разсмотрѣнію), другое (или опять таки цѣлые ряды таковыхъ)—отвѣтомъ, „сказуемымъ"; сложность и многосоставность обоихъ м. б. крайне велики, т. к. внѣ языка (кромѣ того, что указано нѣсколько выше, что за его предѣлами) нѣтъ разумнаго пониманія Поэтому даже глубочайшіе вопросы — о міровоззрѣніи, напр.,—разрѣшаются здѣсь. Даже вопросы религіи *по пути отъ человѣка къ Богу* (тогда какъ догматика идетъ какъ разъ обратнымъ путемъ—открываніемъ Себя Богомъ человѣку) находятъ здѣсь свое разрѣшеніе, Таковъ напр. крайне жгучій въ настоящее время, когда пытаются „вѣрить разумомъ", для всего русскаго народа вопросъ о томъ, что такое русское православіе, если итти къ выясненію его не отъ догматовъ (которые, разумѣется, непоколебимы, ясны и отнюдь не эволюціонируютъ, поскольку они являются Богооткровеніемъ), а отъ человѣческаго пониманія, отъ подстановки на мѣсто непосредственнаго пониманія—лицезрѣнія Бога, доступнаго святымъ—различнаго въ разныя эпохи человѣчества въ предѣлахъ его разума и слова. И поскольку это личное пониманіе дерзаетъ входить „во свя-

тая святыхъ". получается особенность, своеобразность, въ болѣе рѣзкихъ случаяхъ ведущая къ расколу и ересямъ.— Не даромъ такъ горячо занята этимъ вопросомъ не только духовная (тоже идущая, къ сожалѣнію, вразбродъ) литература, но и свѣтская. Такъ, даже „Русская Мысль" дала мѣсто статьѣ Н. К. Никольскаго „О древне-русскомъ христіанствѣ" [1]) (хотя и снабженной нѣкоторыми угодливыми современности фіоритурами, но очень серьезной и интересной), ставящей православіе,—вопреки распространенному—подъ вліяніемъ естествознанія—мнѣнію, какъ „символа мракобѣсія",—очень высоко [2]). „Православіе есть та религіозная идеологія, подъ вліяніемъ которой складывался и, вѣроятно, долго еще будетъ складываться строй жизни не одного десятка милліоновъ людей. Это одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ морали. Это одна изъ тѣхъ жизненныхъ нормъ, съ которою даже помимо желанія вынуждены считаться законодательныя и общественныя организаціи и отдѣльныя лица. Это то знамя, подъ руководствомъ котораго русское славянство накопляло свои силы для исторической борьбы. Это, наконецъ, та исходная точка, съ которой начинались личныя религіозныя переживанія почти каждаго изъ насъ" [3]).—„Это та духовная атмосфера, безъ которой невозможна дальнѣйшая жизнь русскаго человѣка" [4]).—„Подъ православіемъ мы должны понимать церковно-народное пониманіе его сущности. Весь вопросъ т. о. заключается въ томъ, откуда и какъ мы могли бы добыть наиболѣе точныя свѣдѣнія о такомъ именно пониманіи" [5]).— Конечно, въ твореніяхъ народной религіозной мысли, поскольку она сохранилась въ письменныхъ памятникахъ, особенно той эпохи, когда всѣ классы народа были возможно близки другъ къ другу, когда въ ихъ міросозерцаніяхъ не было еще глубокихъ водораздѣловъ. „Старинныя монастырскія и церковныя библіотеки сохранили не одинъ десятокъ

---

[1]) За н. г. кн. VI, с 1—23

[2]) Это образчикъ, иллюстрація необычно широкой захватываемости а потому и трудно—понимаемости такихъ формъ мысли—языка, гдѣ сложное понятіе проходитъ черезъ сложную душу, усваивающую и и предающую вовнѣ многообъемлющее чужое пониманіе

[3]) *Никольскій*, с. 1-я

[4]) Ib., 3.

[5]) Ib. 4

тысячъ рукописей съ многочисленными произведеніями древне-русской духовной ли-ры, по которымъ можно ознакомиться съ судьбою русской религіозной идеологіи (—т. е. отношенія народнаго сознанія къ источникамъ вѣры—)въ разное время. Вся эта книжность драгоцѣнна не только потому, что въ ней находятся источники др.-рус. православія (библейскія книги) и святоотеческія творенія, но и настоящій запасъ матеріала, обрисовывавшаго степень и формы ихъ усвоенія народно-церковнымъ сознаніемъ древнейРуси“ [1])... „признака той специфичности въ отношеніи къ евангельскому ученію, которая д. составлять *особенность русскаго національнаго credo... Какъ въ зеркалѣ на этомъ богатомъ наслѣдствѣ отражается церковно-религіозная* жизнь нашихъ предковъ въ разнообразныхъ ея отношеніяхъ“ (ib.).

Однако, по разнымъ условіямъ, ни наша духовная л-ра, ни свѣтская въ эту сторону какъ разъ и не пошли, и родились отсюда многія печальныя послѣдствія, всегда происходящія при взаимномъ непониманіи, а особенно умышленномъ Духовная л-ра объявила эти (всегда лежащіе корнями въ національномъ языкѣ) народные богоисканія „запретными“ и постепенно загнала въ „лѣса и на горы“ значительную часть нашихъ раннихъ любителей и цѣнителей (б. м. своеобразныхъ) Св. Писанія. А наши историки (лишенные въ своей языковой—мыслительной почвѣ надлежащей, родной подготовки) древне-русской л-ры „стали разсматривать старыя церковныя книги, какъ историческое начало позднѣйшей беллетристики, и потому увлеклись тѣмъ методомъ, который на западѣ употребляли гл. обр. въ примѣненіи къ старинной свѣтской ли-рѣ“ (Ник., с. 8-я), т. к. наша наука выросла на „чужихъ хлѣбахъ“, и понынѣ все еще стремиться „не отстать“ отъ зап.-европейской, забывая, что и наука есть только болѣе зрѣлый и совершенный плодъ на нивѣ роднаго (всегда особнаго, національнаго) языка.—„Я не знаю, говоритъ г. Никольскій, ни одного курса по исторіи нашей словесности, гдѣ житія, поученія, каноны, молитвы, хожденія и похвальныя слова святымъ оцѣнивались бы какъ продуктъ религіознаго творчества или какъ результатъ церковныхъ потребностей. Но я знаю ученыя диссертаціи... гдѣ

[1]) Никольскій, с 7.

церковное преданіе выдавалось за изобрѣтеніе автора стараго времени, гдѣ житіе и поэтическая сказка не различались“ (Ник., с. 8). „Современные авторитеты въ этой области“ задачи своего историко-литературнаго изученія заканчиваютъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы только начинать работу“;— вѣдь тамъ и ключъ для объясненія многихъ загадокъ современности.. отдаленные корни тѣхъ религіозныхъ исканій, которыя такъ волнуютъ сектантовъ, которыя привели интеллигенцію на путь отрицанія и благодаря которымъ всемірная л-ра внесла на свои страницы имена Достоевскаго и Толстого“ (Ник. с. 19-я). А межъ тѣмъ эти лѣтописи, житія и особенно 2 знаменитыхъ слова современника князя Владиміра пресвитера Иларіона („О законѣ и благодати“ и „Исповѣданіе вѣры“) раскрываютъ предъ нами съ поразительной яркостью характеръ и сущность тогдашняго пониманія христіанства (рѣзко отличныя отъ временъ воцаренія аскетизма и современнаго). „При Владимірѣ и при сынѣ его Ярославѣ русское христіанство было проникнуто свѣтлымъ и возвышеннымъ оптимизмомъ міровой религіи“ (Ник. с. 12), которая просвѣщаетъ землю, разгоняя мракъ бѣсовскаго кумирослуженія и насѣвая истину въ прежнемъ царствѣ невѣдѣнія и лжи (—т. е. является основой духовнаго прогресса—)... Этотъ религіозный оптимизмъ былъ прямымъ послѣдствіемъ взгляда на спасеніе: оно получалось черезъ крещеніе (и покаяніе) и милостыню Отсюда, принятіе христіанства д. было являться началомъ творчества, радости и веселія“ (с. 13—14) „Это были самыя восторженныя пѣсни начавшагося духовнаго возрожденія.. И съ эпохою Владиміра и Ярослава дѣйствительно совпадаютъ годы расцвѣта нашего просвѣщенія“ (Ник, с. 14-я), что блистательно подтверждается и немногими дошедшими свѣтскими памятниками этой эпохи и наконецъ историческими данными. Въ дальнѣйшихъ, позднѣйшихъ памятникахъ столь же ярко отражались вновь зарождавшіяся пониманія основы (конечно образной, а не логической - математической вѣроученія Евангельскаго, по новымъ состояніямъ языка - мысли, но за этимъ я уже слѣдить не стану, т. к злоупотребилъ и безъ того длиннымъ отступленіемъ, да и путь творчества народной мысли опредѣлился, намѣтилась его безграничная широта захвата и возможность

при ясномъ національномъ сознаніи ставить и рѣшать самыя сложныя проблемы, даже въ болѣе раннія эпохи, такъ, что они служатъ образцомъ для позднѣйшихъ, если въ послѣднихъ помутнѣло, затинилось такое самосознаніе [1]).

Такъ было (—возвращаюсь къ истоку—) и съ проф. Погодинымъ, когда онъ попадалъ въ своемъ изслѣдованіи на раздорожье,—гдѣ стояли не страшныя для одного сказочнаго Иванацаревича надписи,—„научно“ или „мистично“, „современно“ или „антропоморфично“ и т. п.: временами онъ увлекался авторитетами и вынужденъ былъ впадать мѣстами въ противорѣчіе съ самимъ собою Говорю это, конечно, не для умаленія достоинствъ почтенной и полезной книги, давшей обстоятельный обзоръ современнаго положенія вопросовъ, тѣснымъ кольцомъ окружающихъ вопросъ о сущности языка, о его роли въ духовной жизни человѣка, объ этомъ отличительно „человѣческомъ въ человѣкѣ“. Спасибо ему, исполать отъ тѣхъ, кому дороги вопросы духа, онъ выяснилъ, до какихъ предѣловъ можетъ дорасти психическая жизнь животнаго, а, значитъ, и что могъ бы унаслѣдовать человѣкъ отъ животнаго, если бы таковое было его родоначальникомъ (пропасть между животнымъ и человѣкомъ по его мнѣнію все же незаполнима; а отсюда выводъ, что языкъ человѣческій—другой породы, чѣмъ языкъ самыхъ высшихъ животныхъ). Однако проф. Погодинъ даетъ неясное, а отчасти и невѣрное представленіе объ ученіи Потебни, [„со славнымъ именемъ котораго ему такъ хотѣлось бы связать свои трудъ“—см. „Предисловіе“], создавшемъ эпоху въ области изученіи сути языка. Вотъ это я пытался раскрывать, гдѣ не соглашался съ проф. Погодинымъ, дабы не вводить во искушеніе „малыхъ сихъ“, для коихъ по преимуществу предназначается эта книга. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что высота и важность ученія Потебни оцѣнена

[1]) Ср. напр *Н Шапиръ* „Учительство литературы“ (въ Русск. Мысли“ 1913, IV, 15—37) гдѣ предлагается идея, покоящаяся на абсолютномъ непониманіи сущности образнаго мышленія: „поставить художественную л—ру въ одинъ рядъ со всѣми остальными книгами (с. 37),“ лишивъ ее (—какъ будто это возможно!—) національнаго учительства руководства умами.

уже не одними спеціалистами [1]), да оно и понятно, т. к. языкознаніе въ своей философской сторонѣ (а Потебня именно и былъ таковымъ языковѣдомъ) не какая-либо спеціальная отрасль философіи, а всезахватывающій духъ ея. — Если дарвинизмъ, ведущій человѣка внизъ, къ животному, своею схематическою простотою и доступностью самому обыденному уму, а главное стройностью, цѣльностью (хотя бы и на ложномъ основоположеніи) міросозерцанія могъ захватить въ свою власть цѣлыя поколѣнія, и понынѣ (несмотря на сильнѣйшія пробоины, которыя сдѣлали въ немъ новѣйшія научныя изслѣдованія, особенно языкознаніе, установившее неперехождаемую пропасть между человѣкомъ и животнымъ) все еще царитъ въ наукѣ,—какъ же не проводить въ жизнь не менѣе строиный и научно-цѣльный „*потебнизмъ*“ [2]), дающій возможность сложить иное міросозерцаніе—по направленію въ высь—къ „чинамъ ангельскимъ и образу и подобію Божію“.

А. Ветуховъ.

---

[1]) Вотъ замѣчательныя слова не языковѣда, публициста-писателя Андрея Бѣлаго, помѣстившаго оч. интересный разборъ идей А. А Потебни въ „Логосѣ“ (—международный ежегодникъ по философіи культуры кн. 2-я. М. 1910 г. с 240—258) въ статьѣ „Мысль и языкъ (философія языка А А Потебни“): „Много и долго писалъ А. А. Потебня и читали, пожалуй, его не мало, а между тѣмъ просмотрѣли въ немъ замѣчательнаго ученаго... просмотрѣли огромный талантъ... усматривали неясности, неудобчитаемость, а дерзновеніе просмотрѣли. И только недавно какъ бы вновь открыли его труды“ (с. 240).—„И если гордостью русской науки мы считаемъ Менделѣевыхъ, Лобачевскихъ, Мечниковыхъ, Пироговыхъ. то отнынѣ къ славному ряду именъ мы присоединимъ и имя Потебни“ (с. 241).

— „Велико значеніе Потебни для гносеологическихъ изслѣдованій будущаго въ области эстетики; включеніемъ грамматики и языкознанія въ эстетику мѣняется самый характеръ ея. Въ рядахъ цѣнностей культуры появляется новый рядъ: рядъ словесныхъ цѣнностей“ (с 247)

— „Столь же велико значеніе Потебни для будущей теоріи символизма, которая хочетъ видѣть себя теоріей творчества.. Теорія творчества сталкивается съ теоріей знанія; общія задачи ихъ объединяютъ“ (ib).

„Потебня одинаково д б дорогъ и теоретикамъ мысли и теоретикамъ искусства“. (ib).

[2]) Слово это не мнѣ одному пришло въ мысль,—его употребляетъ, и почтенный Редакторъ этого журнала въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Пора дать ему путь въ жизнь языка и научной мысли.